

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NATIONALBIBLIOTHEK
IN WIEN

147415-A

NEU.

Österreichische Nationalbibliothek

+Z225626002

147415 - A

ГЕНОВЕФА

найкрасша и найжалобнѣйша я

ПОВѢСТЬ

изъ старинныхъ вѣкѣвъ.

На русскій языкъ перебравъ

Феодоръ Ивановичъ Гуцулякъ,

господарь изъ Мышина.

КОДОМЫЯ.

Зъ печатнѣ Михайла Бѣлоуса.

1877.

147, 415-А. Нил

Передне слово.

За помочию божою и ревнымъ трудомъ нашихъ народолюбцевъ, появилось въ нашей отчинѣ уже значное число всякихъ книжочокъ; но все таки не доставало до теперь помежи ними такихъ повѣстей, котрѣ бы вашѣ сердца загрѣли жаромъ любви Бога и ближнёго, всказали на вытрвалѣсть до кѣнця въ всякихъ предпринятїяхъ вашихъ и на христїанскїй примѣръ выхованя дѣточокъ вашихъ. Для того то сердечнїй братя, подумавъ я перевести на нашъ матернїй русскїй языкъ повѣсть о „Геновефѣ“ — повѣсть, котра певно розжалить сердца всѣхъ почт. Читателѣвъ. Покладаючи надѣю, що она межи прочими книжочками пѣдъ вашими стрѣхами и для себе кутокъ найде, ѳтзываются прото до васъ честнїй матери, що любуетеся що найкрасшимъ на свѣтѣ т. е. выхованьемъ въ вѣрѣ дѣточокъ вашихъ, щобысьте имъ перечитували тую книжочку и всякїй добрїй примѣры въ ихъ сердцахъ защепляли. До васъ также, котрыхъ часто яка жура досягае, ѳтзываются, щобысьте надъ тою книжочкою застановилися, а беручи собѣ примѣръ зъ Геновефы, съ боязнею божою зносѣтъ еѣ до кѣнця, а Господь васъ потѣшитъ. Наконецъ всѣ добрїи люди, читайте еѣ однїи другимъ и любуйтеся нею и прочими добрыми книжками, а тогды ставшиися просѣщенными людьми, не одно злое омине хаты вашї, а добробытъ завитае пѣдъ стрѣхи вашї. Бо и я селянинъ, а хотѣвбымся хоть где-що потрудити около нашего письмеництва, и намѣривъ-емъ межи васъ пустити тую книжочку, та желаю вамъ при здоровлю читати самымъ и другимъ розказовати.

Мышинѣ въ лютомѣ 1877.

Авторъ.

Молоді лѣта Геновефы и подруженье ея съ графомъ Сигфридомъ.

Давно, дуже давно тоє дѣялося, коли Евангеліє въ Нѣмеччинѣ поганьску темноту освѣтило и всѣ забобоннїи звычаѣ показовало; коли то еще тверда та необроблена землиця, прилѣжною рукою першихъ христіанъ зачала управлятисѣ, а непроходимїи лѣсы перемѣнились въ многихъ околицяхъ въ прекраснїи, урожайнїи ланы и цвѣтущїи долины та города, — тогда живѣ ажъ въ Бельгїи або Нидерляндіи одинъ хоробрий князь, именованъ Бранціи, котрый черезъ свою хоробрость и бѣвагу на войнахъ всѣхъ удивляѣ. Черезъ боязнь богу и милосердіє до своихъ подданныхъ, приобрѣвъ собѣ бѣ цѣлого своего народа великую славу. Давъ ему Господь и такую жѣнку, котра такъ якъ и бѣ посѣдала великій разумъ, такъ жили они собѣ якъ одна душа и одно сердце. Мали они однѣ-сенькую донечку, котру надѣ все въ свѣтѣ любили. Имя ей було Геновефа.

Геновефа еще дитиною мала побожное сердце и въ всѣхъ своихъ поступованяхъ здоровый разумъ. Коли княгиня, послѣ давного звычаю съ шитьемъ кожного вечера при вряхахъ сидѣла, то маленька шѣстьлѣтная донечка, на украшенбѣ столику сидѣчи, прѣла тоненькїи ниточки и всякїи мудрїи бесѣды зъ ея рожевыхъ устъ выходячїи, свѣдчили уже зъ молодую о еѣ великомъ разумѣ. Кто лишъ на ню подивився,

заразъ и подумавъ собѣ, що зъ тѣи дѣвчины щось надзвычайнаго колись буде. Якъ бывало маючи уже 10—12 лѣтъ пѣйшла съ своими родичами до церкви, и съ ними въ лавцѣ, застеленѣй червонымъ сукномъ передъ образомъ клячучи, свои яснѣй и невиннѣйочи возносила до Отца вселеннои, а потѣмъ перенятѣй честію зновъ въ долину спускала, коли еи лице невинностію румяно яенѣло, тогда кождый, кто еѣ увидѣвъ, подумавъ собѣ, що видитъ зъ небесъ ангела. И истинно яко правдивый ангелъ-потѣшитель була она убогимъ по домахъ и хорымъ при лѣжкахъ. — Дѣтямъ убогимъ приносила сукнѣ, власными руками ушитѣй, а хлопцямъ часто роздавала гроши, отриманѣй ѣтъ своихъ родичей на убранья. Съ маленькимъ кошникомъ въ рукахъ спѣшила кождого дня при раннихъ и вечерныхъ зоряхъ до хорыхъ, и приносила имъ всякѣй покрѣпляющѣй стравы, и дорогѣй овощи, а хотъ тогда еще мало було садовины, то она ѣтъ своихъ устѣ ѣтнимала, а хорымъ для покрѣпленя заносила. А коли уже дѣйшла до дорослыхъ своихъ лѣтъ, оказовалася Геновефа справедливымъ образомъ невинности, а всѣ побожнѣй матери представляли своимъ дѣтямъ свою княгиню за примѣръ побожности, лагѣдности, обычайности, прилѣжности и всякихъ женьскихъ честнотъ. Розумѣлася на всякѣй жѣвнотѣй работѣ; зналася на пекарни, на цѣнѣй и родѣ всякихъ рѣчей.

Графъ Сигфридъ, одинъ изъ найѣтважнѣйшихъ лицарѣвъ великого и хорошого тѣла, въ однѣй вѣйнѣ уратовавъ житѣ князя, отца Геновефы, за що взявъ

его князь съ собою до своего дому, а не за довго такъ его полюбивъ, що давъ ему за жѣнку свою одиначку-доньку. Коли настала тая днина, що Геновефа съ своимъ супругомъ мала ѳтѣздити зъ родинного дому, то тогда прослезилося кожде око такъ въ княже-скѣмъ дворѣ, якъ и въ цѣлѣй околицѣ, а Геновефа, хотяй своего чоловѣка дуже любила, такой ѳтъ жалю въ слезахъ розплывалася.

Честный отецъ взявъ еѣ еще разъ въ свои обнятія, а обливаючи еѣ слезами сказавъ: „Ѣдь туда моя донечко. Мы, родичѣ твои, есьмо уже старыми, остаемося тутъ, незнаючи, чи коли еще нашѣ лица оглядати будешь. Но Богъ буде съ тобою всюды, май Его всегда передъ очима и въ серци твоимъ, такъ якъ научилася того ѳтъ твоихъ родичей; и николи ани на право, ани на лѣво не ѳтдаляйся зъ дороги Его, а тогда не треба буде намъ тобою журитися, и умремо супокѣйно.“ Потому обѣмила еѣ мати трясучимися руками, а черезъ плачь и плѣханье ледво выговорила тѣи слова: „Будь здорова Геновефо! най тя Господь провадитъ! О, не знаю, що для тебе ѳтъ Бога назначено — мое сердце прошибаютъ всякѣ гадки. Ты була доброю дитиною; була нашою найбѣльшою роскошею на земли, и не засмутилась насъ николи. О, будь-же и дальше такъ честною; николи не допускайся такого дѣла, котрымъ передъ Богомъ и передъ родичами малабысь встыдатися! Еще разъ повтаряю, будь честною, а все добре тобѣ дѣяться буде. А колибысьмо на тѣй земли уже бѣльше не видѣлися, то пѣзвѣйше въ не-

бѣ уже певно увидимося.“ Теперь родичи обернулись до графа Сигфрида и сказали: „Сыну, бери еѣ съ собою, она есть нашимъ найдорожшимъ скарбомъ. Достойна она тебе. Люби еѣ и будь отъ теперь ея отцемъ и матерью.“ Графъ Сигфридъ всеимъ приобѣщавъ, и укланули обое съ Геневефою, щобы родичи ихъ поблагословили.

Саме тогды епископъ Гидольфъ, получивши Геневефу съ графомъ Сигфридомъ супружествомъ, побожный и честный той старикъ съ бѣлымъ якъ снѣгъ волосемъ, но еще румянымъ лицемъ, приступивъ, и положивши руки на обохъ, поблагословивъ ихъ, и такими словами отозався до Геневефы: „Не плачь, молода панно! Тебѣ назначивъ Господь великое щастье, — но не такимъ способомъ, якъ всѣ тутъ притомни собѣ думаютъ. Но приѣде безперечно день, за котрый всѣ тутъ присутствующи съ слезами радости въ очахъ будутъ дяковати Богу. Спбмни-жь собѣ тоти мои слова, коли щось незвычайного тобѣ приключится — а Богъ най буде всегда съ тобою.“

При тыхъ словахъ побожного старика, всѣхъ присутствующихъ переняло якое сумне предчутя на чрезвычайне приключеніе, котре мало на Геневефѣ исполнитися; а поручаючи еѣ Богу, засылали Ему горячи молитвы. Умлѣвшу Геневефу посадивъ графъ на коня для неи прилагодженого и хорошо убраного, та и самъ усѣвши на своего быстроногого верховця, въ присутвію численныхъ лицарбв — отѣхали въ дорогу.

Замокъ графа, Сигфридсбургъ званый, збудованный на высокихъ скалахъ, надъ двома рѣками: Ре-

номъ и Мозелью, въ прехорошбѣй околицѣ. Коли графъ съ своею женою до замковой брамы сближався, тамъ уже ихъ ожидали всѣ его слуги и пѣдданѣи, чоловѣки и жѣнки, парубки и дѣвки, ба и дѣти хорошо прибранѣи, абы привитати достойну, молоду пару. Брама замкова була украшена всякими цвѣтами и зелеными галузками, а дорога зѣлями устелена. Всѣ звернули свои очи на Геновефу, всѣ були розпламенѣи: цѣквастою увидѣти свою нову владѣтельку; а коли еѣ зѣ близка побачили, всѣ задивовалися, бо Геновефы лице було истиннымъ зеркаломъ чистои, и невиннои ангелскои души, истинно она мала щось ангелского въ собѣ, бо на цѣлыи свѣтѣ людскою красотою ѳтличалася. Геновефа злѣзши зѣ коня, сердечно и лагбдно всѣхъ поздоровила, и почала розмовляти съ мужами, пѣдбѣишовшими до неи съ великимъ пошанованьемъ, также и съ жѣнками, котрѣи тутъ стоячи, дѣточки свои однѣи на рукахъ, а другѣи за ручки тримали. Выпытовала ихъ сердечно о ихъ имена и вѣкъ дѣтей, обдаряючи ихъ такъ щедро, що всѣ тому дивовалися. Черезъ дорогу выпросила у графа велику ласку для пѣдданныхъ, въ слѣдствѣе котрой воины и слуги того року подвѣи ну заплату одержали, пѣдданнымъ на одинъ рѣкъ даровано податокъ, а убогимъ селянамъ роздавано збѣжа и древо. А коли пѣдданѣи о тѣмъ довѣдалися, всѣ радостно иполнилися, слѣзы радости плыли, всѣ Геновефу и графа благословили, а тысячни благожеланѣи молодѣи царѣ возносилися до небесъ. Навѣтъ прослезилися и старѣи вояки графа, котрѣи щобы

честь оказати своему господину, выступили всѣ въ полюбѣй парадѣ и нерухомо стояти мусѣли, а помимо того сердечнѣ слезы скропляли ихъ сивѣ бороды.

Графъ Сигфридъ выѣзжаетъ на войну.

Сигфридъ и Геновефа жили собѣ въ дуже щирѣй згодѣ. Но тая щастливѣсть тревала тѣлько вѣлька тыжднѣвъ. Разъ пѣзно уже вечеромъ при свѣтлѣ обоє въ свѣтлицѣ забавлялися, Геновефа прѣяла и спѣвала по тихоньку пѣсеньку, а Сигфридъ пригрававъ ей на клярнетѣ. Въ тѣмъ нечаянно (неподѣвано) ѣтзовалися нередѣ замкомъ голосы военныхъ трубъ. „Що сетакого?“ крикнувъ графъ на своего конюшого, котрый власне спѣшно до свѣтлицѣ вѣйшовъ. „Вѣйна,“ ѣтповѣвъ тойже: „Мавры*) неподѣвано зъ Испаніи до Франціи вѣйшли, огнемъ и мечемъ нищать все. Два лицарѣ съ розказами ѣтъ короля прѣйшли. Еще той ночи, если возможно, мусимо вырушити, щобысьмо доконче съ королевскимъ войскомъ злучилися.“ Графъ поспѣшивъ сейчасъ на долину, повитавъ лицарѣвъ и запровадивъ ихъ до обширной салѣ лицарской. Перестрашена графиня поспѣшила до пекарнѣ, щобы приготовить все пѣтрѣбное для принятія, (бо давнѣйшими часами графинѣ не встыдалися стояти при огни въ пекарни). — Графъ цѣлу

*) Также Сарацинами званѣ, котрѣ вѣру магомеданску мечемъ и огнемъ ширивши, зъ Азїи черезъ Африку до Испанїи, а зъ ѣттамъ черезъ горы Пиринейскѣ дѣсталися до Франціи

ночь бувъ занятый, высылаючи посланцевъ до своихъ воиновъ для приготовления до войны. Всѣ сусѣднїи лицарїи сѣйшлись до его замку, — а голосъ саблей и остроговъ розлягався по всѣмъ огородамъ. Графиня черезъ цѣлу ночь была занята угощенїемъ лицаревъ, и пакованьемъ бѣлизнины, и всего, що лишъ графъ съ собою до войны потребовавъ взяти. Досвѣта всѣ лицарїи уже узброенїи собралися въ салъ; а графъ цѣлый въ желѣзо одѣтый ставъ попередъ нихъ, а передъ брамою кѣнница и пѣхота въ рядахъ до вымаршу приготована, чекала на него.

Въ тѣмъ входитъ Геновефа до салъ, и подаючи своему мужеву послѣ звычайу лицарского мечъ, сказала: „Употребляй твою зброю за Бога и ѳтчину, на ратунокъ обезоруженной невинности, а на страхъ зухвалыхъ преступниковъ,“ и упала въ его объятїя блѣда, якъ бѣла хустка, котру въ рукахъ тримала. Страшнїи предчутя будущихъ страданїй, котрыхъ до теперь еще ѳтгадати не могла, огорнули еѣ сердце. О! Сигфриде! зѳтхнула: „Щобы я робила, якбы ты бѣльше не вернувъ!“ и закрыла хустишкою свое лице. „Успокойся Геновефо,“ ѳтповѣвъ графъ, „я безъ божої волѣ не згину. Онъ есть всюды притомный, и подъ его опѣкою всѣ люди жиемо на свѣтѣ. Та-жь мы въ дома такъ само обавляемъ смерти, якъ на поли войны. Подъ божою ослоною есьмо и въ найстрашнѣйшѣй борбѣ такъ само безпечнїи, якъ и въ домашнѣмъ выгднѣмъ помешканю. Богъ есть не преодолимою скалюю, а кто Его боится, той не мае чога обавлятися. Для того не журися, милая жено! и успокойся о

мнѣ. — Надъ тобою, замкомъ и графствомъ буде опѣковаться мѣй вѣрный маршалокъ, котрому все тое повѣрено. — Отъ теперъ збстае ѓнѣ владѣтелемъ моего всего маетку. А теперъ поручаю тя Господу Богу! Будь здорова, не забувай за мене, и молися о мнѣ.“

Геновефа ѓтпроварила его еще по крутыхъ каменныхъ сходахъ на долину, а лицарѣ за ними поступали. Выходячихъ зъ дверей, привитали ихъ численнѣ голоса трубъ, а при всходячѣмъ сонци блыщали вытягненѣ шавлѣ командантѣвъ. — Графъ, щобы свои рѣснѣ слезы утулити, всѣвъ на своего коня, и поспѣшивъ напередъ; а лицарѣ рушили за нимъ чваломъ, такъ, що сильный гуркотъ на мостѣ околѣ замку бувъ подѣбный до грому. Геновефа приглядалася зъ вежи замковой якъ они ѓтдалялися, ажъ доки зъ еи очей не зчезли, почѣмъ замкнувшись въ своимъ покою, плакала непрестанно черезъ цѣлый день такъ, що нѣякои стравы того дня и не покушала.

Геновефа невинно оскаржена.

По ѓтѣздѣ графа, Геновефа проживала въ замку въ наибѣльшѣй тишинѣ. — А коли зоря поранна озолотила вершки гаю, уже Геновефа коло своей работы при бѣнѣ находилася, а не одна слеза, якъ роса на цвѣты падала на богате, золотомъ гафтоване платье. А коли чистый голосъ якъ звѣнка, задзвонивъ на службу божу до ваплички замковой, тотчасъ тамъ спѣшила, и

съ сокрушенимъ сердцемъ молилася Богу о помбчѣ и благополучіе для своего мужа. — Николи никто не видѣвъ еѣ лавку въ церквѣ порожну пбдчасѣ набоженства, ба навѣтъ неразѣ и по полудню не одну годину тамъ пересидѣла. Дуже часто скликала до себе дѣвчата зѣ села, лежачого пбдѣ замковою горою, и учила ихъ прясти, пончохи плести, шити, гафтовати, и всѣ жѣночїѣ работы, а при тѣмъ розказовала имъ всякїѣ пожиточнїѣ науки, або спѣвала съ ними розличнїѣ побожнїѣ пѣсни; а хлопцѣвъ наказовала учити якъ садовину плекати и помножати, ба навѣтъ изѣ своего саду роздавала щепы для людей, та принуковали кожного, щобы собѣ садъ розвѣвъ, а то для того, щобы выкоренити крадѣжь, до котрой кожного потягне, если узритъ где хорошїѣ овощи, а своихъ не мае. Припоминала имъ также, щобы училися зѣ дерева всякїѣ и пожиточнїѣ до господарства рѣчи виробляти.

Якъ въ дитинячихъ лѣтахъ була Геновефа прїятелькою для бѣдныхъ и слабыхъ, такъ теперъ здавалася бути имъ истинною матерію. Нїякого тамъ не було бѣдного, котрый бы собѣ въ замку где-що не заробивъ; анѣ также хорого, котрого бы она не бтвидѣла (посѣтила); а еи лагбднїѣ слова осолоджали хорому часомъ найбблшїѣ муки. Вечерами трудилася съ служницями разомъ, — а не разѣ уже пбзно въ ночи при мѣсяцю сидѣла при бкнѣ и грала на флетѣ, або спѣвала побожнїѣ пѣсни. Порядокъ въ всѣмъ удержовала и добрїѣ обычаи межи своими пбддаными запроваджовала, и николи не позволила

щобы щось не чемного межи ними сталося.

Маршалокъ, котрому графъ весь маетокъ свѣй повѣривъ назывався Гольо. Бувъ то хитрый чоловікъ, котрый своими лестными словами и гречнымъ обходженьемъ потравивъ мало не вождого собѣ уняти. Мало ему ходило о тое, чи бнѣ що доброго чи злого зробивъ, щобы було лишъ для него въ користь, и о тое найбѣльше убивався. По бѣтѣздѣ графа почавъ поступати собѣ уже яко самовладѣлецъ. Одѣвався еще пышнѣйше якъ самый графъ, дававъ великѣ, гучнѣи балѣ; що день инну забаву справлявъ, и такимъ чиномъ пана свого маетокъ марнотравивъ. Кривдивъ также всѣ слуги графа, и щобы найвѣрнѣйшому слузѣ не выплачувавъ ему его належитой платнѣ, а бѣдному не удѣливъ николи кусочка хлѣба. Лишь Геновефъ до теперъ найглубшу почесть бѣдававъ, а его гречнѣсть и услужнѣсть для неи не мала границѣ. Геновефа обходилася съ нимъ гречно и осторожно, не пристаючи съ нимъ до нѣякои бесѣды; кромѣ, що лишъ робила его бачнымъ на повиннѣсь ему повѣрену. — Зъ початку здавався Гольо бути для неи дуже услужный, но при тѣмъ укрывавъ передъ ей очима всѣ свои блуды. Такъ чимъ разъ все ставався смѣлнѣйшимъ, ажъ на конецъ зробився такъ безличнымъ, що посмѣвъ ей понижаящѣи, ганьблящѣи и безвѣстнѣи предложенѣи сдѣлати. А коли Геновефа окрыла его ганьбою, на яку собѣ заслуживъ, почавъ бѣтъ тогда затято еѣ ненавидѣти, и роздумовати о еѣ згубѣ. Геновефа предчувала недобрѣи послѣдствѣи, и написала письмо до графа, въ котрѣмъ представляла

Голя, маршалка, съ его нечистыми гадками, яко небезпечного чоловіка и закбнчила такъ письмо, щобы зъ замку его бтдалити.

Кухарь графа, чоловікъ цѣлкомъ сумлѣнный и вѣрный, котрый о добро своего пана якъ наилучше старався, а безвстыднымъ намѣреніямъ Голя противився, обовязався той листъ тайнымъ чоловікомъ до графа переслати, но и тое не уйшло передъ окомъ хитрого Голя. Саме тогды, коли Геновефа раненько въ покою кухарови письмо вручала, вправъ на тое Гольо якъ скаженный; а пробивши мечемъ передъ ея очима невинного чоловіка, зачавъ страшно кричати. Всѣ, що въ замку находилися збѣглися, и застали Геновефу омлѣлу на крѣсло упавшую, а въ ногахъ ея нещастного того чоловіка въ крови лежащего. А тогды Гольо зачавъ такіи безвстыдніи брехнѣ на честну графиню выговорювати, що всѣ слушаючі, ажъ зъ встыду зарумянилися. Потѣмъ всейчасъ выправивъ штафету до графа съ брехливымъ и оскаржаючимъ письмомъ, въ котрѣмъ найневиннѣйшу зъ всѣхъ женщинъ Геновефу, яко невѣрну, и послѣдну женщину представивъ, а еѣ тымчасомъ казавъ втрутити до страшной вязницѣ замковой.

Гольо знавъ добре гадки графа; знавъ що то чоловікъ надъ все милосердный, благородный, справедливый и честный, но если ему уже що надвычайного донесется, то тогды у него нема милосердія. „Тажъ то“ казавъ безпечный Гольо: „менѣ добра теперь лучилася приключка, вслѣдствіе котрой буду ея водити якъ медведя на кѣлци.“ Думавъ бо, що графъ всейчасъ выдасть розказъ, щобы Геновефу стратити.

Геновефа въ вѣзницѣ.

Вежа, котра на вѣзницю для преступникѣвъ призначена була, и котру всѣ не иначе якъ лишъ „нещастливою вежою“ называли, истинно була найстрашнѣйшою вежою того замку. Геновефа николи безъ жалю и тайной боязни та милосердія надъ бѣдными вѣзнями, коло вежи не могла ити. А теперъ сама оставлена бѣтъ всѣхъ въ тѣй вежи збоставала. Еи комнатка така була зимна, стухла и нездорова, якъ якѣ мурованѣи глубокѣи гробы. Муръ бувъ черно-сивый, и бѣтъ вохкости зелена плѣснь мѣстцами покрыла стѣны, а пѣдлога цеглою выбуркована. Николи тамъ ани сонѣчка, ани пріемного мѣсяця свѣтло не доходило. Скупеньке свѣтло дневне доходило тамъ маленькимъ бѣтворомъ, черными гратами забитымъ, а бѣла сукня Геновефы до того лишъ служила, щобы передъ еѣ лицемъ всѣ страшнѣи мары щезали.

Тутъ она якъ день такъ нѣчь сидѣла на скупѣмъ барлозѣ! Коло неи стоявъ збаночокъ съ водою, а кавалокъ черного разового хлѣба було еи цѣлымъ поживленіемъ. Еи очи и прехороше лице бѣтъ плачу помалу въ голову позападали.

Якъ лишъ бѣтъ перестраха трохи до себе прійшла, зложила съ найглубшою покорою свои руки, а вздохнувши до неба, такъ молилася: „О небесный Отче! Тутъ пѣдъ землею глубоко сиджу, и спозыраю до Тебе. Я теперъ со всѣмъ оставленою. Окрѣмъ Тебе не маю бѣльше никого. Ніяке око милосердне тутъ мене не увидить, а мѣи голосъ ніякого людского

уха не доходитъ. — Но Ты видишь слезы мои. Ты чувствуешь мои воздыханія, бо всюду есь притомный, такъ и ту есь на семъ темномъ мѣстци. Отецъ и мама мои ничь за мене не знаютъ, а чоловікъ мой ътъ мене далеко! Рука ласкава моихъ всѣхъ пріятельствъ ничь менѣ не допоможе. Но Твоя рука мене не опуститъ, Ты браму сеи вязницѣ ѡтворити можешь. О! умилосердися надо мною, наилучшій Отче!“

Почѡмъ зновъ сѣла, изъ жалю затерпла, що и слезы непустила. „О якже щастливими“ каже дальше „суть найбѣднѣйшіи люди, въ порѡвнаню съ мною! Предцѣнь видять хоть сине небо, и пріятнїи зеленїи луки. О! кобы я вмѣсто княгинѣ, бѣдною пастушкою, або вмѣсто графинѣ, бѣдною жебрачкою була, якбы добре менѣ поводилося! Ахъ! все менѣ отнято, словомъ, цѣлкомъ ничо бѡльше не маю! Навѣтъ сонѣчко, котрому для всѣхъ Господь свѣтити позволитъ, менѣ уже ѡтнятымъ.“ Въ тѡмъ пустилисяей зъ очей слѣзы потокомъ, а она говорила дальше: „Ты Боже однакожь еще моимъ, о, будь-же Ты моимъ сонцемъ, бо коли лишь за Тебе згадаю, то уже ясно въ моей души, а мое сердце, котре страшно скостенѣлое якъ ѡтъ морозу, зновъ розплываеся въ слѣзахъ!“

Ажь теперъ припѡмнула собѣ слова честного епископа, и сказала: „таке то щастье, ты менѣ, честный мужу предсказавъ! За брамою цвѣтами украшеною, чекала на мене тая темная вязниця! Однакожь, коли Ты, о Боже, допустивъ менѣ прїйти до сеи вязницѣ, то певно для мене такъ добре муситъ бути, бо Ты лишь зъ любви въ менѣ тер-

пѣня зсылаешь, и они суть лишь для мене великимъ добродѣтельствомъ. Такъ въ нещастю, самое щастье и благословеніе укрываея, такъ якъ Твоя рука не въ одной садовинѣ гбркою лупиною замкнула солодке ядро. Для того пріймаю охотно тую печаль изъ Твоеи руки. Очи мои лишь до Тебезвертаю, а на тыхъ, що мене переслѣдуютъ, не хочу нарѣкати. Твоя, Боже, така есть воля, для того есмь на все готовою, зроби со мною, що Тобѣ сподобаея, но вспирай мене ласкою своею, а безъ Твоеи волѣ ани одинъ волосъ изъ моеи головы не упаде.“

Такъ помолившия, учула въ души своей велику утѣху; и такъ ей выдавалося, якбы изъ глубины сердца ей ѳтзывався голосъ: „Не плачь Геновефо! Вправдѣ треба тобѣ еще много перетерпѣти, но изъ всего того нещастья выратуе тебе Отець небесный и потѣшитъ тя. — Ты сталася передъ людскими очима переступницею, но колись твоя невинность засвѣтитъ яснѣйше ѳтъ сонця.“ Въ тѣмъ сонѣ покрѣпляющей замкнувъ ей очи.

Черезъ кѣлька мѣсяцѣвъ сидѣла Геновефа въ вязниці, а тымчасомъ никто до неи не приходивъ, окрѣмъ Голя, котрый свою просьбу всегда ей повтарявъ съ тымъ приреченьемъ, що увѣльнитъ еѣ зъ вязницѣ и ѳтдасть еѣ давнѣйшую честь. — Но Геновефа ѳтозвалася до него такими словами: „Лучше менѣ бути передъ людьми невинно зганьбленою, якбы въ самѣй рѣчи нечестно въ славѣ ходити. Лучше менѣ въ темнѣтѣ тои вязницѣ умерти, якъ нечестнымъ дѣломъ впровадженою бути на тронѣ королевскій.“

Геновефа стаеся въ вязницѣ матерію.

Терпѣніе Геновефы чимъ разъ побблшалося. По бѣгствѣ своего мужа, не за довго пбзнала, що зайшла въ тяжу. Въ кбнци надбйшла хвиля, въ котрбй повила хлопця. — Притискаючи его до своего сердца, промовила Геновефа: „О, мила моя дитино, то-жь ты тутъ на такбмъ страшнбмъ мѣстци першій разъ свѣтъ увидѣвъ; притулися до мого сердца, щобымъ ты загрѣла, бо мати твоя нещастлива не мае ани одной пеленочки, котрою бы тебе вповила. Никто менѣ не подасть ани личочки теплои стрavy, якже твоя слаба и нужденна мати тебе зможе плекати? Въ тбмъ нещастливбмъ помешканю навѣтъ нема такого мѣстця, где бы тебе положити могла, окрбмъ тои студенон и твердой подушки. О, запевно умрешъ тутъ въ тыхъ волгкихъ склепѣняхъ, зъ котрыхъ безпрерывно вода капае. О, каменѣ! що есьте надъ мною, на що мою дитину скропляете такими студенеными каплями? Чи може и вы такі немилосерднй якъ Гольо...? — Но нѣтъ, перебачайте, вы нѣмї мурѣ чувствуете бблшій жаль; а понеже не можете дивитися на недолю мою и моеи дитины, для того сумуете и плачете со мною.“

Опбсля поглянула до неба, и пбднесши трясучимися руками дитину въ гору, съ слѣзами въ очахъ сказала: „О, Боже! обдаривъ-есь мене дитиною, давъ-есь ему житъе, Твоимъ оно есть даромъ, Твоею власнбстю и Тобѣ най буде оно посвячене. До церкви не могу его пбслати, но Ты Господивсю-

да притомный, а где Ты есть, тамъ и Твоѣй дѣмъ. Нема тутъ ніякои добродѣтельной руки, щобы тебе до кресту держала, нема священника, щобы кумамъ пригадовавъ при крещенію ихъ повинности, для того я, твоя мати, заступлю мѣсце священника, кумовъ и твоего тата. — Заприсягаю Тебѣ Боже отсе приреченіе, що если менѣ и моеѣ дитинѣ еще позволишь жити, то буду тое немовлятко въ святой вѣрѣ въ Тебе Отца и Сына и святого Духа, въ пбзнанію Тебе и Твоеѣ милости, и всѣмъ людемъ выховувати, и его яко найдорожшій скарбъ менѣ повѣренный буду ѡтъ злого ѡтвертати, щобымъ Тебѣ его въ послѣдній день, яко чисте и безгрѣшне ѡдати, и сама передъ Твоѣй судъ стати могла.“ По довгѣй еще молитвѣ, взяла збаночокъ съ водою, а окрестивши дитя, дала ему имя Беноій, т. е. сынъ болѣзни, бо въ болѣзняхъ и слезахъ прійшовъ на свѣтъ. Таке найбудемя твое крестное, а слезы матерній будутъ тобѣ крижмою. — Обвинувши его своимъ фартушкомъ, и взявши его на руки, сказала: „тутъ на моихъ рукахъ буде твоя колыска.“ А спозираючи жалѣбно на кавалокъ хлѣба коло неи лежачого, сказала: „таке то, дитинко, будетвое поживлѣнне, по правдѣ тверде и разове, що ледво для мене выстарчить, но будь супокѣйнымъ, а слезы матерній сто змякшатъ и благословеніе боже помножить его, що выстарчить для мене и для тебе.“ Ѡтъ теперъ той хлѣбъ жвякала дробненько, и нимъ кормила свою дитину. — Коли разъ дитина на еѣ рукахъ супокѣбно спала, нахилилася надъ ню Ге-

новѣфа и въздыхаючи сказала : „О Боже, возри зъ неба на мое нещастне дитя на рукахъ моихъ. Дорога моя цвѣтко, въ тѣй то темной ямѣ, безъ свѣтла и тепла, безъ свѣжого воздуха борзо выхнешь, бо якже ты, слабенька рослина тутъ вырости зможешь? О, Боже! не дай моей дитинѣ марно загинути, котре я такъ люблю, що охотно далабымъ за него свое житье. Но Ты, Боже, его и всѣхъ людей бѣльше любишь, якъ мама свои дѣти. Ты самъ сказавъ : „еслибы мати на свои дѣти забула, я за нихъ не забуду, и буду ихъ тримати въ моей опѣцѣ.“ Коли Геновефа ти слова говорила, пробудився хлопецъ и першій разъ засмѣявся до неї, та и Геновефа першій разъ въ тѣй вязниці усмѣхнулася, и зновъ заговорила, притискаючи дитину до свого серця : „Смѣешься дитинко, бо не знаешь мою недолю. Усмѣхайся всегда, бо твоїй усмѣхъ бѣльше менѣ говорить якъ тысячи слѣвъ. Менѣ здаеся, що твоимъ усмѣхомъ вымовляешь до мене отсї слова : „Не плачь мамо, а будь супокѣйна, ты бѣдна, а Богъ богатый и потѣшитель въ нещастю, — ты мене любишь, а Богъ еще лучше насъ обохъ любить.“ — Усмѣхайжесь мое дитя, бо доки ты смѣешься, я не могу плакати.

За кѣлька день зновъ прїйшовъ Гольо, и съ злѣбною мѣною ставши коло неї, сказавъ : „Доста менѣ уже того! Коли еще дальше думаешь безъумною бути, и свои гадни о честнотѣ не хочешь покинути, то умилосердися хоть надъ тою дитиною. Бо, если не пѣддашся моей воли, то — най мене Богъ по-

карае, — а ты таки згинешъ съ твоею дитиною.“ На такй слова, Геновефа безъ страху, цѣлкомъ супокѣнно ѳтповѣла: „Пріймаюся сто разъ умерти, якъ допуститися того, чоґобымъ передъ Богомъ и людми, передъ мужемъ моимъ и передъ дорогими моими родичами встыдалася.“ Гольо поглянувъ на ню якъ скаженный, ажъ поблѣдъ зъ злости, и пѣйшовъ, трѣснувши желѣзными дверми такъ сильно за собою, що ажъ вязниця стряслася, и довго еще голосъ въ пѣдземныхъ мурахъ ѳтбивався.

Геновефа довѣдуеся о близкѣй своей смерти.

Около 11. години въ ночи, запукавъ ктось въ маленьке ѳконце до вязницѣ, и сказавъ: „о. мила графине, чи уже спишь? Тое, що тобѣ мушу сказати, о Боже! ледво вымовлю ѳтъ плачу... Господи покарай и кинь въ пекельну пропасть того неґдного Голя!“ — „Ктожь ты?“, запыталася Геновефа и вставши, приближилася до кратѣвъ желѣзныхъ. „Я есмь донька сторожа вежи,“ ѳтповѣвъ незнакомый голосъ. „Чи знаешь панну Варвару, котра уже ѳтъ давна хоруеть, и для котрой ты много добра сдѣлала? Зъ любви до тебе, хочу тобѣ прислужитися, но тая прислуга для насъ обохъ есть страшно сумною. Ото приношу тобѣ вѣсть страшну, що еще сеи ночи мусишь умерти. Такъ росказавъ твѣй мужъ, котрый повѣривъ въ слова Голя — до него написанй, и признавъ тебе за вѣроломну переступни-

цю. Убійць уже суть назначені, котрї твою голову зѣтнуть, бо я чула, якъ Гольо съ ними змовлявся. Господи умилосердися! таже и дитина съ тобою мусить умерти, котру графъ не хоче своимъ сыномъ назвати. Страхъ не давъ менѣ супокою, и я до те-
 перь ока не зажмурила, та якъ лишь всѣ заснули, всталамъ зъ постели и ледво доволокламъ сюда, — бо — довше не моглабымъ була жити, якбымъ съ тобою, дорога пане, еще не поговорила, — съ тобою не попрощалася — тобѣ за милосердіе къ мнѣ еще разъ не подяковала! Може маешь що на серцю, або що розпорядити, то прошу, скажи менѣ теперь, щобы не всѣ тайны разомъ съ тобою пѣйшли въ грѣбъ, а я колись може еще твою невиннѣсть моглабымъ засвѣдчити.“ Перестрашена Геновефа довго не могла промовити, ажъ за кѣлька хвиль ѣтозвалася до неи:
 „Моя прїятелько, прошу тя на милѣсть Бога, принеси менѣ свѣчку, перо, чорнило и паперъ.“ Дѣвчина пѣйшла, и не за довго принесла всего, а Геновефа положила все тое на землю, бо стола ани стѣлця не було, и зачала писати такій листъ до своего мужа:

Возлюбленный мужу!

Въ вязници, на твердѣмъ камени лежачи, пишу еще до тебе. Коли тое письмо будешь читати, тогды уже мое тѣло буде спочивати въ грѣбъ, а я за кѣлька годинъ стану передъ судъ божій. Яко вѣроломну мене на смерть осуждено, но Богъ свѣдомый, що безневинно умираю, на що передъ лицемъ Его тобѣ присягаю передъ моею смертію, а повѣрь менѣ, що съ ніякою неправдою не иду зъ

сего свѣта. Ахъ, лишь за тобою, солодкій мужу, менѣ жаль, бо знаю, що мусишь бути дуже обманеный, бо ты николи не повелѣвбысь твою вѣрну жену Геновефу съ дитиною згубити. Но колись, якъ свое обманство пѣзнаешь, абысь не печалился, бо ты не есь причиною моеи смерти, а есть то така воля Господня, для того молися, щобы тобѣ простивъ тую провину. Отъ теперъ не трать бѣльше никого, доки самъ не переконаешся о его винѣ. Най буде уже тое нерозважное повелѣнїе першимъ и послѣднимъ, бо хоть, правда, що ты тутъ не совсѣмъ виноватый, то такой межи тысячами добрыхъ дѣлъ такого нерозважного дѣла допустився. -- Смутокъ ничъ тобѣ не поможе, для того памятай о небѣ, а тамъ колись зновъ свою Геновефу увидишь, и тамъ еѣ невиннѣсть и вѣрнѣсть до тебе пѣзнаешь. Также своего сынка, котрого ты тутъ николи не видѣвъ, тамъ першій разъ увидишь. — Тамъ уже никто зъ злыхъ людей насъ не розлучить. Житье мое туземное уже коротке, для того я, исполняючи мою послѣдну должнѣсть, выявляю совѣстно тобѣ мою невиннѣсть. Также дякую тобѣ за щирю любовь, котру оказовавъ-есь до мене въ першихъ дняхъ нашего супружества, и котру беру съ собою въ грѣбѣ. Вспирай мои старенькїи родичї, будь для нихъ якъ рѣдный сынъ и потѣшай ихъ въ смутку. Я не могу уже до нихъ написати, бо година моеи смерти уже близка; для того скажи имъ, що донька ихъ Геновефа не була переступницею — що невинно умерла — що и въ смертельнѣй годинѣ о нихъ памятала,

и що имъ за все добре, котре для мене сдѣлали — сердечно дякую... Еще прошу тя, щобысь не розгнѣвав-ся на того заслѣпленого блудного Голя, не бѣдирай ему житья, — противно, прости ему все, такъ якъ я ему простила. Памятай на тую мою просьбу. бо я не хочу брати пѣмсты съ собою на будущій вѣкъ, та щобы зъ моеи причины ани капля крови не потекла... Не мстися также и надъ тыми, котрѣ менѣ голову збѣтнуть, они ничь не виннѣ и мимо волѣ наказъ мусять исполнити. — Добрый кухарь невинно замордованый, бувъ вѣрнымъ твоимъ слугою, для того милосердися надъ позбѣсталою по немъ вдовою и старайся о его дѣти, бо его привязаннѣсть до насъ була причиною его смерти. Не забудь же оголосити его невиннѣсть передъ лицомъ всего народа. Тую добру дѣвчину, котра тобѣ тое письмо доручить, вынадгороди щедро, бо коли всѣ противъ мене повстали, то она одна була менѣ найвѣрнѣйшою дѣвчиною. Будь милосерднымъ владѣтелемъ къ своимъ пѣдданнымъ, не накладай на нихъ за великѣ тягары, постарайся для нихъ о справедливѣ урядники, достойнѣ священники и зручнѣ лѣкарѣ. Выслухай самъ каждого, котрый съ якою кривдою до тебе прѣйде. о, я думала, що буду матерью своимъ пѣдданнымъ. Но коли Господь иначе судивъ, то за мене и за себе исполняй тую должнѣсть. А теперъ пращаю тя послѣднѣй разъ, и не плачь за мною, дорогѣй мужу, бо я охотно лишаю тое дочасное и гѣркое житья, но не переступницею умираю, за якую мене невинно оскарживъ Гольо. Такъ невинно умираю, якъ

Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, котрый буде милосердный надъ душею моею. А теперь мене прашай и молися за мою душу. — Уже умираючи остаю твоею вѣрною содругою,

Геновефа.

Коли тое письмо писала Геновефа, такъ горько плакала, що слезы розпустили геть чорнило, що не можна було его перечитати. Зложивши письмо, подала тѣй дѣвчинѣ и сказала: „Якъ найдорожшій скарбъ, такъ хорони тое письмо, и никому не показуй, ажъ якъ мѣй мужъ поверне зъ вѣины, щобысь ему въ руки ѳтдала.“ — Теперь здѣймила Геновефа шнурокъ перель зъ своей шіи и сказала: „Тоті перлы прійми мила дитино, за милосердну и вѣрну твою прислугу и за твои слезы. Они при вѣнчанію украшали мою шію, а ѳтъ коли ихъ ѳтбраламъ ѳтъ своего мужа, они не сходили зъ моеи шіи. Они будутъ тобѣ на вѣно, бо стоятъ кѣлька тысячей ренскихъ. Отже ѳтъ теперь, колись уже сталася богатою, не уповай въ ничъ довременного; а пригадуй собѣ всегда, що я тоті перлы на тѣй шіи носила, котру небавомъ мечъ зѳтне. — Таке то житье туземное. Бери собѣ примѣръ зъ мене, и не спускайся николи, хотяйбы и на наилучшихъ людей. Бо видишь, николи я не думала, щобы мѣй мужъ, наказавъ менѣ шію стяти — тую шію, на котру тоті перлы для украшения даровавъ. Уповай лишь на Господа Бога, то черезъ цѣле житье тобѣ добре поводитися буде — а теперь будь здорова, бо я еще хочу сердцемъ моимъ обернутися до Бога, доки не наступить хвиля, въ котрой съ свѣтомъ попрощаюся.“

Геновефу на смерть выпроваждаютъ.

Якъ лишь дѣвчина бдѣйшла, наразъ ѳтвори-
 лися желѣзнѣй дверѣй, и двоухъ людей вѣйшло до вяз-
 ницѣ. Одинъ зъ нихъ державъ въ руцѣ запалену
 походню, а другѣй нѣсь пѣдъ пахою великѣй, довгѣй
 мечъ. Геновефа съ дитиною клячала и молилася.
 Оба мужѣй при свѣтлѣ походнѣ приближилися до неи и
 одинъ зъ нихъ тримаючи мечъ, сказавъ грубымъ голо-
 сомъ: „Встанъ Геновефо, возми дитину съ собою, и пѣй-
 дешъ съ нами.“ Геновефа закричала: „О, Боже!
 умилосердися надо мною!“ Встала и трясучися по-
 ступала за ними. Дорога провадила довгими пѣд-
 земными сѣньми, котрѣй Геновефѣ яко безконечнѣй
 выдавалися. Одинъ съ походнею ишовъ на передъ,
 Геновефа въ серединѣ, а другѣй съ мечемъ ступавъ
 за нею. Великѣй, кудлатѣй пѣсь ѳтпроваджовавъ
 ихъ, и такъ прѣйшли пѣдъ желѣзнѣй дверѣй. — Якъ
 лишь переднѣй провѣдникъ ключъ въ замокъ вложивъ,
 заразъ загасилася походня. А коли дверѣй ѳтворили-
 ся, були они уже пѣдъ голымъ небомъ, не далеко
 обширнаго лѣса. Нѣчь була осѣнна и ясна, на по-
 гднѣмъ небѣ сверкали звѣзды, а мѣсяць клонився
 уже къ заходови, и студеный вѣтеръ шумѣвъ по
 лѣсѣ. Мовчки запровадили Геновефу далеко — да-
 леко въ глубину лѣса, ажъ стали на однѣй полянцѣ,
 котра на около обросла чорными ялицями, густыми
 липами и дремучими осиками. Тутъ сказавъ чоловѣкъ
 держачѣй мечъ, именемъ Людгертъ: „Геновефо кля-
 кай и давай сюда дитину, а ты Гидине (такѣ було

имя другого чоловіка) завяжи ей тымчасомъ очи. А пбрвавши дитину за плеченята, пднїсь мечъ, щобы его проколоти. Но Геновефа сильно обдїмила дитину, и закричала: „О Боже! коли я уже умираю, то выратуй хоть мою дитину!“ „Не роби короводбвъ,“ бтовзався злбстно Людгерть — „такъ мусить бути! Давай дитину!“ — Но Геновефа съ плачемъ и зойкомъ говорила дальше: „О мои солодкї! за щожь тую невинну дитину хочете замордовати? Що оно винно, кому оно що злого зробило? — Замордуйте мене, а я охотно умру. Тутъ моя обнаженна щїя, — лишъ оставте мою дитину при житю, и занесїть ея моимъ родичамъ: або, якъ вамъ того не вбльно, то позволте менї — не для себе самои, но для моеї дитини — жити охотно въ тбмъ лїсї на самотї, а я николи mezi люди зб-бтси не покажуся. Вотъ я ваша панї и графиня молю васъ клячучи передъ вами и цїлуючи вашї колїна. Якъ коли я вамъ що злого зробила — убїйте мене; а еслимъ яке преступленїе пополнила, то замордуйте мене. — Тажъ предцїнь знаете, що я невинна. О, если менї теперъ житє бтберете, и на мои слезы не будете уважати, то небтвїнно будете того колись каятися. Умило-сердїтєся теперъ надо мною, а колись Господь надъ вами умилосердитєся! Не дайтеся наклонити на злї учинки и не проливайте невинной крови, котра кличе о пбмсту до неба. Тамъ жде вїчная кара, а убїйця не мае николи супокою.“

„Я ничъ не роблю, лишъ тое, що менї наказано,“ бтовзався Людгерть. „Чи справедливо тебе

стратимо чи несправедливо, — най за тоє графъ и Гольо ѳповѣдають.“

Но Геновефа такой не переставала просити и молити. „Подивѣтся на небо,“ сказала, „вотъ видео мѣсяць, котрый ховаеся за ялицѣ, абы не дивився на такое дѣло, — якъ ѳнъ червоно заходить. Много разъ потому будете его видѣти такъ червоно заходячого — всегда ѳнъ буде васъ скаржити за невинно пролятую кровь. ѳнъ буде другимъ людямъ зъ высоты небесной ясно и красно свѣтити, а вамъ всегда кроваво выдаватися буде. Вотъ и вѣтеръ чимъ разъ сильнѣйше повѣвае, якъ гильемъ шумить, та листе голосно шелестить. Вся природа стрясаеся на смерть невинности, а пѳзнѣйше настрашитъ васъ кожного листка шелестъ. Погляньте на звѣзды високо надъ нами! Тысячами очей спозирае на васъ небо! Чижь передъ его лицемъ зможете поповнити такую збродню? Уважайте, що тамъ надъ звѣздами есть Богъ, передъ Котрого судъ колись станути мусите. — Отче вдовиць и сирѳтъ, поглянь зъ высоты небесной и змякши сердца тыхъ людей, котрѣ также мають жѣнки и дѣти. Вздержи ихъ руки, щобы менѣ нещастнѣй матери съ еѣ бѣдною дитиною не ѳтобрали житья, и тои тяжкою вини на себе не взяли.“

Одинъ изъ нихъ, именовъ Гидинъ, обтерши собѣ очи, ѳдозвався до другого: „Людгерте, меѣ зъ жалю сердце розпадаеся. Подаруймо еѣ житье а если конечно хочешъ кровь проляти, то встроми мечъ въ груди безсумлѣнного Голя, зъ-за котрого вся причина еѣ смерти. Она нещастна черезъ цѣлесвое

житѣ никому ничего злого не зробила; вотъ при-
пѣмни собѣ за твою послѣдну слаббсть, кѣлько она
тебе слабого ратувала!“ „Не поможе ничего,“ ска-
завъ Людгертъ, „она муситъ умерти. Тяжко, прав-
да, и менѣ приходитъ еѣ житѣ ѳтерати, но щожь,
если она остане живою, то всегда мы оба будемо
страченѣ, а однако еѣ ничего не поможемо, бо Гольо,
хотьбы и пѣдѣ землю еѣ вышукае, та предѣвнѣ мы
ему на знакѣ смерти еѣ очи мусимо принести.“

„Не убъемо еѣ, — не убъемо,“ ѳтозавая Гидинѣ.
„Мы вышукаемо и на тое спосббъ: щобы она насѣ
не зрадила, то муситъ ту передѣ нами присягнути,
що до смерти въ тѣмъ лѣсѣ буде оставати — а Го-
льови покажемо очи твоего пса, — а я заложивбмся,
що его недобре сумлѣннѣ заслѣпитъ его и не поз-
волитъ ему докладно тѣи очи оглядати, щобы мѣгъ
неправду дѣйти. — Но скажи менѣ: Чи правда, що
жаль тобѣ твоего пса убити? а теперъ, чи наша до-
рога панѣ графиня сѣ еи такѣ солодкою дитиною,
не суть дорожшѣ — Боже ѳтступи грѣха — якѣ псѣ?
Людгирде — змякши свое сердце!! — и не будь та-
кимъ нечувствительнымъ, закаменѣлымъ.“

„Не есмѣ такимъ,“ ѳтповѣвъ, „Богѣ свѣдомый, що
еще николи урядѣ мѣй не бувѣ такѣ прикрый. — Но
если Гольо..... то встечеса зѣ злости.“

„Иди сѣ твоимъ Гольомъ!“ ѳтозавая Гидинѣ,
„нѣвинности даровати житѣ, то очевидне добродѣ-
тельство, та чоловѣкѣ николи най не страхаеся добре
чинити, и до добрыхъ дѣлъ повиненѣ бути ѳважнымъ.
Хотьбысѣмо теперъ зѣ сѣи причины и заслужили

собѣ яку пригону — и щожь зъ того? Чи скорше, чи пбзнѣйше, то однако тое намъ не принесе добрыхъ овощѣвъ.“ Добродушный Людгерть наконецъ сказавъ: „Най буде, якъ кажешь, спробуймо, и всейчасъ Геновефа най присягне твердо, що черезъ цѣле житья не ѳддалится зъ сеи пустынь.“ — Присягла. — Потому и Гидинъ мусѣвъ на мечи его присягнути, що о ней никому ни словечка не скаже, и що еѣ николи не посѣтитъ въ тѣй пуци. А щобы еще безпечнѣйшимъ бути, то запровадили Геновефу кблька еще миль черезъ горы и долины въ таку пустыню, где еще нѣякого чоловѣка нога не ступила. — Тутъ на силахъ ослаблена, упала Геновефа пбдъ ялицю. А тѣи два мужѣи оставили еѣ лежащу, а самѣи ѳдойшли до дому, а одинъ изъ нихъ оглянувшись съ заплакаными очима, сказавъ: „Най Господь умилосердится надъ нею, и най еѣ съ бѣдною дитинкою мае въ своей опѣцѣ, бо еслибы Онъ не бувъ ѳтъ людей милосерднѣйшій, булабы она уже перестала жити.“

Повернувши до замку, застали Голя сидячого въ своемъ покою, а задумавшись, сперся на стблъ лбктями. „Приносимо очи,“ сказавъ Людгерть ставши въ дверяхъ, и песьи очи на долони показуючи. „Я не хочу ихъ видѣти!“ крикнувъ Гольо, а схопившись и взявши за мечъ, сказавъ: „Если котрый менѣ еще имя тои нещастной вспбмне, то сейчасъ трупомъ его положу, прочь ѳтъ мене, и не показуйтея ббльше на мои очи!“ -- Щось надзвычайного, подумавъ собѣ: впередъ пбмста надъ Геновефою була менѣ така солодка, а теперъ сталася менѣ такою

гѣркую, що, що найдорожшого въ свѣтѣ давъ-бымъ, еслибы лишь можна все тое назадъ ѳткликати. Ахъ! кто своей воли пѣддаеся, той обчтитея пѣзнѣйше, що все таки ошуканый зѣставъ.

Ланя выбавляе Геневефу съ еѣ дитиною ѳтъ смерти зѣ голоду.

Омлѣвша Геневефа довго пѣдъ ялицею лежала, наконецъ прійшла до себе, и увидѣла себе съ дитиною на самотѣ въ лѣсѣ, а тымчасомъ небо затягнулося грубыми хмарами, мѣсяць зайшовъ уже бувъ давно, пѣтъма налягла, сильна буря гудѣла по деревьяхъ лѣса, въ деревѣ надъ нею верещала сова — а недалеко коло ней завывъ вовкъ, тое все переняло еѣ великимъ страхомъ.

О Боже, Боже! востхнула, якій мене страхъ нереймае; однакожь уповаю на Тебе, бо Ты и тутъ притомный, и робишь зѣ пѣтмы свѣтло; Ты мене видишь, где никого нема, тамъ Ты притомный, и николи не опускаешъ тыхъ, що въ Тебе уповають. Ты мене съ дитиною зѣ рукъ людскихъ избавивъ, за тое Тобѣ слава во вѣки. Ты не допустишь на насъ дикихъ звѣрей, щобысьмо ѳтъ нихъ погинули. Въ Тебе уповаючи — не боюся ничего!

Такъ сидячи съ дитиною на рукахъ, зложила руки на колѣна, слезы проливаючи, а дивившись въ небо, очѣковала бѣлого дня. А коли день наставъ,

принѣсь ей новый смутокъ, буйъ бо то хмарный, мрачный, осѣнный ранокъ ; цѣла околиця выглядала дико и страшно, всюда лишь голіи блыщали скалы, черніи ялицѣ, тернье и корчїи ялѡвцю. Вѣтеръ студеныи потягавъ — а наконецъ на перемѣну дощъ съ снѣгомъ пустился. Геновефа дрожала ѡтъ студени, а дитина ея зъ мокра и голоду верещати почала. Шукала Геновефа всюда якого дуплавого дерева, або якои проноры, щобы скрытися могла, глядѣла такожь за дикими якими рослинами, щобы посилитися могла, но нигде не найшла ани сухого кутика, ани нїякои ягѡдки на деревахъ. Наконецъ своими дробненькими палцями выгребала зъ твердои до половины замерзлой землѣ корѣнцѣ, а снѣгъ зачервонѣвся ѡтъ крови зъ палцѣвъ. Тїи корѣнцѣ прохухавши давала маленькѡй дитинѣ.

Потѡмъ хоть слаба и струджена, взяла дитину на руки и ишла по снѣгу босыми ногами, не знаючи куда. Выдрапавшиися на одну скалу, увидѣла межи меншими скалами маленьку долинку, а зѡйшовши тамъ, и въ однѡй скалѣ, котра густыми ялицями була поросла, пѡдъ высячими конарами, увидѣла вузенькїи отвѡръ, котрый провадивъ до пещеры досыть обширнои, що можнабыся и тремъ людемъ въ ней сховати. Не далеко ѡтси чиста якъ кришталъ водиця зъ скалы текла.

Геновефа съ дитиною вѡйшла до той пещеры, и ажъ тутъ схоронилася ѡтъ вѣтру и дощу, но еще дрожала ѡтъ зимна. Надѡйшло полудне, голодъ зачавъ ей докучати, ба и дитина зъ голоду зачала

плакати. Въ тѣмъ положила дитину свою на землю, а укланувши, и спозираючи ѿтворомъ до неба, зложила руки, и зачала молитися: „О Боже добрый, небесный! Возри на плачущую матеръ съ голодною дитиною, бо Ты и зимною порою накормляешь птиць, лѣтающіи по надъ тїи скалы, а не забуваєшь и на того хробачка, ползающогося по скалѣ и въ зимѣ даешь имъ поживленіе вышукати. Ты, Отче, мене съ моею дитиною въ тѣй пустыни такожь можешь утримати, и навѣтъ зъ того камня хлѣбъ сотворити зможешь. На Тебе уповаючи, маю надѣю, що намъ не дась тутъ зъ голоду згинути. Позволивъ-есь намъ помешканье вышукати, та позволишь намъ и поживленія выстаратися.“

За кѣлька хвиль хмары просунулися, и праведне сонѣчко тепленьке огрѣло тую печеру. Наразь щось зашелестѣло въ листю, упавшѣмъ зъ деревъ — и въ мигъ ока стала передъ печерою ланя, котра навѣтъ николи еще не була людьми страшена, и котра собѣ до своей печеры прїйшла на ѿпочинокъ, и смѣло стала передъ Геновефою. Съ початку настрашилася Геновефа того звѣрятка, но на конецъ привыкла до него, и гласкаючи его, цѣлкомъ смѣлою зробилася. Тогда впало Геновефѣ на гадку, що уже буде могла себе и дитину молокомъ ѿ того звѣрати кормити. „Боже милосердный, до чого то мусить бѣдна мама привыкати,“ и пѣднесла дитину до дѣйкѣвъ того звѣрятка. Звѣрятко на то не перешкаджало, бо молоко ему вымя розперало, що вовки ей молодї поѣли. Геновефа вповила теперъ свою дитину, котра

попѣсавши, спати хотѣла, въ часть своей одежи и по-
 клала его въ кутику пещеры въ выгбднѣмъ до того мѣст-
 ци. Коли Геновефа дитину прѣспала, тогда и о
 собѣ подумала. Выйшовши зъ пещеры понаходила
 то тутъ то тамъ на пѣвъ збгнилѣ дынѣ, пороздѣ-
 лювала на двое, и въ чистѣй водѣ хорошо выполо-
 кала, а коли назадъ вернула, застала въ пещерѣ
 ланю, що уже була лягла спати. Геновефа принесла
 съ собою кѣлька зеленыхъ галузокъ, що въ дебрѣ
 найшла, а звѣрятко встало и ѣло зъ еѣ рукъ, а
 попоѣвши, и якбы зъ подяки, лизало еѣ руки. Теперь
 пробовала Геновефа звѣрятко дойти. А коли звѣ-
 рятко стояло якъ окопане, и не боялося уже еи,
 тогда Геновефа надѣла лупачокъ зъ дынѣ повный
 молока, котрый пѣднесши въ гору, такъ молилася:
 „Прійми Господи слезы мои яко подяку за щедрый
 Твоѣ даръ, за тое, щѣ Ты менѣ въ тѣй пуци покармѣ
 назначивъ. Ты Господи также на тое позволивъ,
 що колись пташка лѣтаючи загубила зернятко дынѣ,
 изъ котрого розвелося, що теперь маю зъ него гла-
 дунецъ и мысчинку, въ котрыхъ Твои дары буду
 мѣстити. Ты припровадивъ мене до тои пещеры, въ
 котрѣй я съ дитиною маю притулокъ, а до того еще
 и поживленіе; теперь уже не журуся, хотьбы и най-
 острѣйша зима наступила.“

Взявши до устѣ молоко, теперь пила, а слезы
 зъ радости капали и мѣшались съ нимъ. „Якій то
 смачный напитокъ,“ сказала, „такъ смачно страва
 цѣле житѣе менѣ не смаковала. О Боже, якъ часто
 бывало у моихъ родичей твои дары зналамъ поша-

новати. Отпусти менѣ Боже, що Тобѣ колись лучше подяковаламъ. Що бѣльше убогимъ я не высвѣдчила доброго, о, николи бымъ була не вѣрила якъ то гѣрко, коли голодъ докучае. Кобымъ була тое знала, не одному нищому булабымъ дала покармъ на цѣле его житье.“

Поповѣвши молока, и еще разъ за него Богу подяковавши, выйшла зновъ зъ пещеры, и рвала на около пещеры мохъ, котрого кѣлька фартушкѣвъ внесла въ пещеру, зъ котрого зробила для себе и для своей дитины мягоньку постѣль. А конарѣ, котрѣ понадъ вхѣдъ до пещеры стерчали, понагинала, абы заслоняли приступъ бѣтъ вѣтрѣвъ. Почѣмъ найшла на ялици суху хворостину, оброслу бѣлымъ, чорнымъ и червонымъ мохомъ, внесла еѣ до пещеры, и переломивши еѣ на довшій и коротшій кавалокъ, звязала лыковатымъ однолѣткомъ, що крестъ представляло, и положила его на достойнѣмъ въ пещерѣ мѣстци, передъ котрымъ мала що дня пѣдносити свое сердце до Бога. А коли уже все було готове, струджена, сѣла собѣ въ пещерѣ, въ котрой конарѣ яловѣ заслоняючѣ уже вхѣдъ бѣтъ вѣтру, робили прѣятный холодъ, а тымчасомъ теплота бѣтъ звѣрати огрѣла була уже цѣлу пещеру. Коли такъ спочивала, тогды ей стало легше на серцю; и дяковала Господу Богу, що выбавивъ еѣ зъ темной вязницѣ, и сдѣлавъ еѣ передъ Гольомъ безпечну. Почѣмъ прѣйшло еѣ на гадку, що буде мати и тутъ много що терѣйти, но уклчкнувши передъ крестомъ, зачала молитися: „О Боже и Избавителю мѣй! у-

мершій за мене грѣшницю на крестѣ! Тое знамя Твоеи смерти всегда хочу передѣ собою мати, котре безъ перестанку буде Твое милосердіе менѣ пригадовати,—съ Тобою хочу розпочати тое пустельничое житье, а мои страданія суть моимъ крестомъ! Пбсля Твого примѣру, хочу и я его брати на себе съ терпеливостію, и съ Тобою безпрерывно молитися: Отче не моя воля, но Твоя най буде. Предцѣнь уже разѣ колисъ прійде хвиля, въ котрѣй съ Тобою вымовити змогу: Исполнилось!“ Такъ помолившися — по першій разѣ за такъ довгій часъ, лагбдний сонъ очи еѣ замкнувъ, еи дитинка по при ню спала, а вѣрна ланя, котра бѣтъ тогды уже николи еѣ не оставляла, спала по конецъ еи нбгъ.

Геновефы житье въ пустыни.

Геновефа проживала бѣтъ теперь сама въ тѣй пещерѣ якъ пустельница; переминула зима, сонѣчко зновъ огрѣло святу землю, и такъ переходили еѣ дни безъ всякого припадку. Коли бувало выйшла зъ пещеры, та погляне на около себе, и ничого ббльше не видѣла, якъ лишь самѣ бблѣ скалы, где-куда дикимъ лѣсомъ покрытіи, а всюда тишина, лишь хибя спѣвъ якои птички, або голосъ вовка учула, або въ зимѣ на великихъ снѣгахъ лишь слѣды дичины спостерегала; — зачала жаловати за родичами, и желала увидѣти своихъ родичей, своего мужа и своихъ пріятелей, або якого нибудь чоловіка. Коли засмутилася, то часто въздыхаючи

говорила: „Якї тїи люди щастливїи, що жїють съ собою вкупѣ, съ собою розмовляють, и свои бо-лѣзни та радости однї другимъ могутъ удѣляти! О, якї они нерозважнїи, якъ неразъ свого щастя цѣлкомъ не знаютъ, а дуже часто свое житье и го-рестїю наповняють.“ Подумавши хвильку сказала дальше: „Господи Боже, съ Тобою предцѣнь далеко милѣйше жити, якъ съ людьми, бо хотъ мы бѣть людей далеко, однако Ты съ нами, о Боже, въ тѣй дикѣй околици и въ тихѣй ночи! О яке щастье для мене, коли кождои хвилѣ съ Тобою побесѣдовати могу, яко найщиршимъ прїателемъ душъ нашихъ.“ До такихъ бесѣдъ такъ була уже привыкла, що въ такихъ прїятельскихъ бесѣдахъ минали ей дни якъ години.

Часть дня обертала на сбиранье корѣнцѣвъ, або лѣсовыхъ овощей, но не одну годину пересиджовала даремнѣсенько, не знаючи, що робити, та не разъ сказала: „Кобы я тутки мала якїи будь дроты и нитки, не одна довга днина перебѣглабы менѣ при роботѣ одежи для мене и моеи дитины! Суть люде, що часто нарѣкають на працю: но безъ працѣ жи-тье такѣе смутное, що навѣтъ найтяжша работа стаеся солодшою бѣть сидженя безъ занятїя.“ Жа-дала часто мати якую будь книжку, въ котрѣи читаючи, не одна година переминулабы съ пожит-комъ. „Однакожь дѣла руки твоеи Боже, суть великою книгою, котру Ты самъ написавъ.“ А тогды зачала надъ дѣлами божими бѣльше розмышляти, якъ коли вногдѣ, такъ що найменшу квѣтку, найменшого хро-

бачка оглядала, а познаючи въ нихъ Божу премудрѣсть, дуже зъ того була задоволена.

Найббльше думала о тѣмъ, що Іисусъ Христосъ въ своихъ наукахъ навчавъ такими примѣрами, котрыми она въ пустыни окруженою була. Бо коли на веснѣ сонѣчко ей печеру тепленько огрѣло, говорила часто: „О Боже, тое сонѣчко есть менѣ образомъ яснымъ ласки Твоеи. Тажъ и Сынъ Твоѣй однородный казавъ: Отець небесный дае, що сонце всходитъ и заходить на добрыхъ и на злыхъ. — А моя ласка для людей най рѣвнаея тому сонцю, бо я-бы охотно моимъ непріятелямъ и добре дѣлала, но щожъ, коли не маю до того способности.“ Коли неразъ журилася о свое утриманье, то коли рано учуе хороше пѣніе птичокъ, тогды сказала: „выптиць такіи здоровіи, и бѣдаленіи бѣть всего смутку и спѣваєте такъ весело. Для чогожъ я малабымъ бути сумною, и не спѣвати свои пѣсни? Таже Іисусъ Христосъ того вымагае, бо самъ сказавъ: *Подивѣтся на птицѣ небесніи, що не сѣють и не жнутъ, ани собираютьъ въ житницѣ свои, однако Отець вашъ небесный кормить ихъ; чижъ не лучшии вы отъ нихъ есте!* Такъ есть, Ты мене лучше любишь бѣть тыхъ всѣхъ птицѣ, для того и я повинна о много веселѣйша бѣть нихъ бути, та не журитися, якобы бѣть теперь для мене уже ніяке зернятко не було сѣяне, ніяке стебло не жате и ніякій снопокъ до житницѣ не превезеный.“ Коли выйшла на долину, и ту розглянулася по цвѣткахъ, котри тысячами красками украшеніи були, то зновъ припѣнула собѣ Іисусомъ Христомъ вымовленіи слова:

Смотрѣть на цвѣты нивъ, якъ цвѣтуть, не труждаются ни прядутъ; а повѣдаю вамъ, що ани царь Соломонъ въ своей велелѣпотѣ не бувъ такъ красно одѣтый, якъ одна изъ нихъ. Коли же траву польну, котра нынѣ росте, а завтра въ пѣчь вметаема... Отець небесный такъ красно одѣвае, а чомужбы не лучше васъ — маловѣры? Отъ теперъ и я не хочу бути маловѣрною, бо хоть теперъ не могу прѣсти, то однако, о одѣжь для мене не буду журитися.“ Коли въ лѣтѣ жаръ сонѣчка ей докучавъ, а она до своего потѣчка приходила, и свѣжою водою охолоджовалася, при котрѣмъ всегда говорила: „О Боже, дякую Тебѣ, що такъ сею Твоею рососою покрѣпитися могу, бо що ты водиця для моего тѣла, тымъ Ты, Отче небесный и Твоя наука для моеи души, бо-сь самъ сказавъ: *Кто жаждеть, най приходитъ до мене пити, бо вода, котру я дамъ ему, станеть въ немъ жереломъ воды текущою до живота вѣчного.* Такъ и мене тѣлько тое внутреннее жерело теперъ потѣхою скрѣпляет, коли менѣ всѣ забавы и розговоры товаришескѣ бтнятѣ.“ Якъ поглядала на скалы, котрѣ наоколо ей долину окружали, и черезъ тысячи, тысячи лѣтъ посередъ сильныхъ вѣтрѣвъ, все таки недвижимо стояли, пригадовала собѣ слова Иисусомъ Христомъ вымолвленнѣ: *Кто мои науки слушае, и ея исполняе, той подобный до чоловіка мудрого, котрый поставивъ домъ на каменѣ и надойшла буря и не завалила его.* На Твое слово, Геновефа говорила, „и я хочу будовати спасеніе, котре для мене буде нерозрушено, якъ камѣнь стояти.“ Ба навѣть тернье и бодяки для неѣ були наукою, бо казала: „Колибысьте вмѣсто колючого терня

грозды або ягоди родили, малабымъ все зъ васъ пожитокъ и покрѣвленіе, щобы менѣ въ тѣй пуци дуже придалося. Но позбстало при тѣмъ, що Христосъ сказавъ: *Всякое доброе дерево, овошѣ добрѣ родить, а злое дерево, зліи овошци родить.* Для того и я хочу бути деревомъ добрымъ, и все доброе дѣлати о ебѣлко змогу, а николи не хочу бути подбною до терня або осету, котрѣ лишъ колють, а овощѣй ніякихъ не родять.“ Такъ то сонце, птички, цвѣты, жерело, скалы, терње и осеть припоминали слова Ісуса Христа, и були ей знаками до дальшого думаня.

Спозираючи на дитину, ббльше неразъ була утѣшна, якъ сонѣчкомъ веснянымъ, и оно додавало ей ббльше пріятности, якъ весна съ цвѣтками и птичками. Кождого погбдного дня выносила дитину зъ пещеры на двѣрѣ, а коли ланя паслася, а она съ дитиною на рукахъ проходжалася по передъ пещеру, и съ нею сердечно розмовляла, хотъ дитинаничого еще не розумѣла; но коли дитина до нея ручку вытягла, або усмѣхнулася до нея, то здавалося ей, що той усмѣхъ дитины цѣлу пуцу украшае, и все навкругъ озолочае. При тѣмъ упадала часто на колѣна, та притискаючи дитину до сердца, и дивлячися очима въ небо говорила: „Отче небесный, невысказану подяку Тобѣ за тое складаю, щось менѣ милу дитину подаровавъ. Якую потѣху, и яке пріятне затрудненіе менѣ въ тѣмъ дикѣмъ кутику. Возри и Ты ласкавымъ окомъ на тую дитину, и дай ей щастливо взростати. Ахъ! якѣ то у него здоровѣ и веселѣ очы, яке хо-

роше чоло и личко и якъ супокѣйно оно въ моихъ объятіяхъ спочивае. Правду то сказавъ Иисусъ Спаситель: *Если не будете якъ малии дѣти, не ввійдете до царства небесного.* О кобы то всѣ люди своимъ розумомъ могли поняти тую щастливѣсть небесную такъ якъ тая дитина, тобы всѣ безъ гордости и заздности, ненависти и прочихъ грѣхѣвъ уже тутъ малибы спасеніе въ своихъ сердцахъ, а тогда такъ жилибы весело на свѣтѣ, якъ дитина при грудехъ своей матери, и тогда такъ булибы щастливѣ, якбы и въ царствѣ небеснѣмъ находилися. " Не разъ дуже кортѣло еѣ ити до церкви, а тогда лишь сказала: „О, якаято щастливѣсть, если тысяча вѣрныхъ въ церквѣ клячучи суть передъ Богомъ слученіи, Его св. слѣвъ слушаютъ, або Ему побожнѣ пѣсни засылають. Кобы я хоть разъ голосъ звонѣвъ учула, то видится менѣ, якобы менѣ на серцю полекшало. Однакожь вся природа, котру виджу на около мене въ тѣй пуци, — есть Твоя церковь Боже. А мое сердце, котре посередъ пуци въ менѣ бѣе, то най буде Твоимъ олтаремъ. Найже буде тая долина межи скалами яко церковь, а мое сердце яко олтарь Тобѣ Боже посвящено." Въ цѣлѣй тѣй долині не було такого камня, такого дерева, коло которого она бы не молилася. А въ зимѣ, коли острѣ морозы недопускали еѣ зъ пещеры выйти, то всегда молилася передъ деревлянымъ крестикомъ такой въ пещери, на острѣмъ камени, котрый зъ скалы стерчачи, ей за пѣдножокъ до молитвы служивъ.

Матерна радѡсть Геновефы въ пустыни.

Якъ бувало зъ помежи колющихъ корчѣвъ выдобудеся съ весною яка хороша косычка зъ землѣ, не було для Геновефы ббольшой радости. Тымчаеємъ Бенусъ уже троха пбдрбсь, бувъ прїятного лица, и уже трошка умѣвъ ходити. Одѣвала его Геновефа въ скбру молодой дикой козы (сарнятка), що разъ бтъ него въ лѣсѣ бтпудила лиса. Хоть хлопецъ ничего ббльше бтъ корѣня, зель, молока и воды не уживавъ, однакожь хорошо и румяно выглядавъ. Бтъ теперь зачавъ хлопецъ уже порозумѣвати, всѣ рѣчи бтъ себе розрбжняти, та и слова гдекотрї за матерїю повторяти. Геновефа дуже тымъ урадовалася, якъ мальчикъ зачавъ уже по трошки говорити, и перше слово: *мама* уже выразнорымовивъ, божь то она уже давно въ пустыни нїякой людской бесѣды не чула. Такъ учила его Геновефа по кблька годинъ пбзнавати и называти всѣ рѣчи, котрї въ тбй печери и малбй долини находилися, почавши бтъ сонця и шѣсяця ажъ до маленького камѣняця, бтъ ялицѣ до волокна моху, бтъ ланѣ до найменшого хробачка; ба навѣтъ научила его уже раховати, но однакожь дуже ей то тяжко на самотѣ приходило, понеже мусѣла его учити тысячи слбвъ, а потому съ нимъ уже и въ короткї бесѣды заходила. Но все тое ребило ей потѣху, и кождый день здавався для ней чимъ разъ богатшимъ въ всякї матерїї удовольствїя.

Однои зимы заслабъ хлопчина, та черезъ довшїй часъ зъ печеры виходити не мбгъ. Но уже въ пер-

шихъ дняхъ весны поздоровѣвъ, и процвѣтавъ зростомъ якъ рожа въ городци. Одного погѣдного дня взяла его Геновефа за ручку, выпроводила зъ пещеры, та завела его на свѣжій воздухъ, ажъ на цвѣтущую долину. Хлопчина, котрый теперъ уже овсѣмъ мавъ ббльше понятія, не мѣгъ налюбоватися хорошою весною. Задумавшись, оглядався съ цѣкавостію на около себе, тай сказавъ: „Мамо що то такого, що все теперъ менѣ краснѣйше выдаеся якъ впередъ, тая долина була такъ бѣлымъ снѣгомъ покрыта, а теперъ такъ хорошо зазеленѣлася, що ялицѣ противъ неѣ остались черными. А тотѣ корчики, що впередъ якбы сухѣ — голѣ сторчали, теперъ такъ хорошо прибранѣ ясно-зеленымъ листемъ. Якъ сонѣчко мило теперъ пригрѣвае и якъ небо красно синѣеся. Подивися мамо на землю, якъ она хорошо прибралася въ всякѣ барвы червоноѣ, синѣ и жовтѣ.“

Геновефа зачала ему все объяснати, почавши ътъ деревъ ажъ до найменшого цвѣточка, почѣмъ зрывала по цвѣткови и мальчикови подавала, приговорюючи ему, що то все Господь для людей на пожитокъ сотворивъ. „Зрывай собѣ сынку, кѣлько тобѣ подобаеся, никто тобѣ не боронить.“ Утѣшенный хлопчина рвавъ цвѣтки, та не мѣгъ надивоватися ихъ красотою. Потому взяла его Геновефа за ручку и зновъ завела его въ гущавину на конецъ долины, и зачала съ нимъ розмавляти. Учувши хорошее пѣніе птичоѣ, котрѣ тутъ безпечно ътъ злыхъ рукъ гнѣздилися. „Ого!“, закричавъ хлопчина, „мамо, що то за прѣятнѣ чути голоса? Въ кождѣмъ деревѣ тысячнѣ чудеснѣ голоса ътзываются. Ану ходи, та

подивѣмся, що то такого?“ Геновефа сѣла собѣ на скалу мохомъ покрыту, вабила птички до себе, кидючи межи нихъ гдєкотрѣ насѣня деревь, що всегда була привыкла сбирати. Бенуся посадила на колѣна, щобы могла ему все точно оповѣдати. Птичокъ множество прилетѣло, и сквапно сбирали тотѣ насѣня. Були тамъ: чижики зеленобарвнѣ, щиглы краснобарвнѣ, жовтобрушки и проч. „Вотъ тотѣ то птички такъ хорошо спѣвають.“ На тоє бдозвався хлопчина. „О вы солодкѣ пташенята! Тожто вы тутъ такъ хорошо спѣваете, и вашу штуку лучше покажете бѣ чорныхъ воронъ, котрѣ черезъ цѣлу зиму лишъ кракають безпрестанно, та вы таковой красшѣ бѣ нихъ. — Но скажи менѣ мамо, кто то все робить, що то теперь все такъ хорошо бѣжило, зѣ-бѣтки то все походить? Бо предцѣнь тую долину ты такъ хорошо не украсила за той часъ якъ я бувъ хорый, бо ты всегда при минѣ була въ печерѣ.“

„Мила дитинко,“ бѣповѣла Геновефа, „все тоє, що мы видимъ: сонце, мѣсяць и звѣзды, и все що лишъ есть на свѣтѣ и що ты до теперь видѣвъ, то сотворивъ Той, що тамъ надъ нами, (показуючи рукою въ синое небо); а Того, то мы съ найглубшою честію называемо *Богомъ*. Онъ тоє все зробивъ для насъ, щобысьмо мали зѣ всего правдыву потѣху, тому то мы называемо его: *найдобротливимъ Господомъ* або *Отцемъ нашимъ*. На тоє Бенусь, влѣпивши очи въ небо, якбы шукаючи Бога, наконецъ скоро бдозвався: „чи Онъ тѣлько одинъ тамъ самъ мешкає?“ „О нѣтъ!

Онъ самъ не мешкае, а мае также до тебе подѣбныхъ Ангелѣвъ и святыхъ угодникѣвъ, котрѣ разомъ тамъ съ Нимъ тѣшатся, и ему въ честь на колѣна приклякають и выполняютъ Его волю. Они суть о много лучшими ѣтъ насъ. Зѣ тыхъ то Ангелѣвъ призначивъ Богъ одного для мене а другого для тебе, щобы насъ тутъ на пуши и въ кождѣмъ мѣстци стерегли, для того то и называются они: *Ангелы хранители*." Хлопчина оглянувшись скоро на около себе, запытавъ послѣшно: „Мамо, та гдежъ они суть, що я ихъ не виджу?“ „То, дитинко, ани Бога, ани ихъ не можна видѣти, — однакожъ Богъ все видитъ, а навѣтъ на кождѣмъ мѣстци, и тутъ межи нами всегда и всюда есть притомный, хотъ властиво Его обыталище есть въ небѣ.“ Тиѣ слова такъ Бенуся задивовали, що приклякъ, и сказавъ: „О якій то Богъ добротливый, и якъ почтивѣи суть его Ангелы, — ѣтъ теперъ ничого злого не буду уже бояться!“ Геневефа засмѣялася зѣ его дитинячою простоты и подумала собѣ, цѣлуючи и притискаючи его до сердца: Еслибы яка дитина старша ѣтъ тебе учула твою бесѣду, тобы розсмѣялася. Но однакожъ варазъ порозумѣлабы, подумавши собѣ, що и она колись такъ говорила, и ажъ пѣзнѣйше до ббольшого розуму прѣйшла.

Другого дня скоро заблысло, збудивъ Бенусь матеръ словами: „Вставай, мамо, та ходѣмъ на долину, бо може Богъ тамъ зновъ щось доброго зробивъ.“ Усмѣхнувшись Геневефа, взяла его зновъ за ручку и завела въ одну долину межи скалами, где жарь

сонця доп'якв'я, и она спостерегала уже гдекуда цв'т'ть з'ь суниц'ь, та вправд'ь були уже суниц'ь гдекотр'и побрен'вли. „Чи и то цв'т'тки?“, поспытав'ь хлопчина. „Н'в'т'ь, то суниц'ь,“ б'тпов'вла Геновефа, та схилилася и збрвала гдекотр'и з'ь пристыглых'ь, потому сказала: „Ану покушай, як'и они добр'и.“ Хлопчина покушав'ь, та притиснувши руку до грудей, сказав'ь: „О як'и ж'ь они добр'и — чи можна их'ь еще збрвати?“ „Можна, но лиш'ь тот'и, котр'и уже червон'и.“ Хлопчина скоренько увивався, зрываючи суниц'ь, тай сказав'ь: „Як'ий то Бог'ь добрый, що нам'ь т'олько тут'ь дав'ь тых'ь рослин'ь и много инших'ь пожиточных'ь р'вчей, та вдивившиися в'ь сине небо, и зложивши рученята, приклякнув'ь и говорив'ь, як'ь Геновефа ему провела: „Боже, дякую за суниц'ь!“ Почб'м'ь б'тозвався до матери: „Та и то'е Бог'ь чуе?“ Геновефа б'тпов'вла усм'яхаючис'ь: „Як'бысь не то, що говорив'ь, но щобысь лиш'ь подумав'ь, ни слова не сказавши, Он'ь о т'бм'ь уже бы знав'ь. Бог'ь видить и чуе все.“ — Що днини хот'в'ь Бенус'ь вид'ти як'и нов'и р'вчи, що Бог'ь зробив'ь. Но Геновефа зачала ему уже о вс'ьм'ь обширн'йше толковати и учила ц'бзнавати як'ь дерево в'ь перших'ь днях'ь весняных'ь розвиваеся, а показуючи на пучки по деревах'ь, сказала: „Теперь приглянься добре, мила дитино, як'ь они виглядають, а в'ь к'блька дней п'бзв'йше як'ь тут'ь вийдемо, то абысь мен'ь розказав'ь, яка в'ь них'ь зм'йна зайде.“ Зараз'ь першої ночи упав'ь теплий весняный дощик'ь, по котр'б'м'ь на друг'ий день уже лист'ье розвиватися почало. Увид'вши то'е

хлопчина, не мѳгъ начудоватися, якъ то скоро все змѣняеся, та сказавъ: „А вотъ мамо тѳи пучки уже нынѣ такіи зеленіи зробилися, о то потѣха менѣ, що Богъ такій добрый. А чомужь мамо, ось на тѳій тернинѣ еще лишъ пучки, а листя нема, чи то уже Богъ не мѳгъ зробити?“ „О, мила дитино, Богъ все може, бо его называемъ всемогущимъ.“ „Но, а якже Богъ може зробити въ такѳій темнѳй ночи?“

Геновефа объяснила ему, що Богъ такъ само видитъ въ ночи якъ и въ день, зъ чого хлопецъ дуже задивовався. — Одного раня цѣкаво прискочивъ хлопчина до матери и сказавъ: „Мамо, теперь зновъ щось нового увидѣвъ я, ходи та скажешь менѣ, що то такого?“ Та взявши Геновефу за руку, попровадивъ еѣ до гущавины въ тернье, а развернувши корчъ, запытавъ: „Чи ничего не видишь?“ „То пташе гнѣздочко,“ ѳтповѣла Геновефа. „Якъ мы маемо пещеру, такъ и птички мають свои гнѣздочка. Вотъ птичка въ немъ сидитъ, якъ мило на насъ спозирае, но уже ѳтлѣтае, придивися теперь добре гнѣздочку, но не уколися въ тернье. Придивися, що оно поверха патычками обложено, а въ серединѣ шерстію устелене, добре приглянься“, сказала, пѳднесши его до горы. „Уже вижу, но скажи менѣ, що тамъ въ серединѣ лежитъ?“ „То суть яечка, приглянься якѳи краснѳи зеленковатѳи съ червонными пасмами.“ „Та щожъ птичка съ яечками робить?“ „Пѳзнѳйше увидишь,“ ѳтповѣла Геновефа, „но абысь тымчасомъ ани одного не рушивъ.“ Въ кѳлька дней пѳзнѳйше, посѣтивъ Бенусъ съ матерью зновъ гнѣздочко, въ котрѳмъ вмѣсто

яченокъ, лежали уже молоденькїи птички. Тогда Геновефа сказала до него: „Видишь якїи они еще маленькїи, ничего не видятъ и суть безъ пѣрья, та не могутъ лѣтати, ба навѣтъ изъ гнѣздочка выскочити.“

„О милїи, маленькїи сотворѣня, чи они не замерзнутъ ътъ зимна, та не погинуть зъ голоду?“

„О, нѣтъ мила дитино, Господь такъ тое умудривъ, що гнѣздочко, видишь, выстелене мягкою шерстію, и есть округлое, абы они собѣ на мягонькѣи постели спали, и въ ничо не покололися. То уже ихъ мати таке гнѣздочко зробила, правда Бенусю, що штучно зробила? Мы, дитинко, не потрафилибысьмо такъ удачно зробити, якъ тота птичка-мама, котра также печалится о своихъ дѣтяхъ. Вотъ придивися, она устелила тое гнѣздочко въ густѣмъ корчи для того, щобы еи дѣточки галузками були заслоненїи ътъ жару солнечного, а въ часѣ непогоды ътъ вѣтру, зимна и мокроты, а коли видить що имъ зимно, то прилѣтае, и сѣдае на нихъ уважно и накрывае своими розпростертыми крыльцями. Для того видишь и колюче тернье сталося тутъ пожиточнымъ для птичокъ. Хищнїи бо вороны повѣлибы ихъ, но якъ лишь прилетятъ, то тернье ихъ колятъ и не допускають до гнѣздочка, а стара птичка для того, що она маленька, то выгѣдно пересмыкаеся помежи тернье. Такъ видишь всѣ рѣчи ясно намъ показываютъ доброту божу, навѣтъ и ти колючїи корчїи до чогось Богъ сотворивъ.“

Въ тѣмъ прилетѣла стара птичка, а молоденькїи зачали кричати и дзюбыки широко розтворяти, а стара тымчасомъ ихъ кормила. Бенусь дуже утѣшеный, зачавъ пѣдскаковати и сказавъ:

„Якъ же то красно — дуже красно.“ На тое сказа-
зала Геновефа: „Такъ видишь, они еще маленькѣй-
та не могутъ летѣти за поживленіемъ, для того,
стара приносить имъ зернятка, найперше сама ихъ
дробить въ своимъ клювъ на маленькѣй части,
потому дае своимъ дѣточкамъ. — Такъ то Богъ ста-
раеся и о наименшѣй пташинѣ, а мае Онъ надъ всемъ,
що на свѣтѣ, свое бачне око. Такъ моя дитинко:
Онъ опѣковався и тобою, и еще бѣте теперь буде
опѣковатися.“ „Правда“, бѣтозався хлопчина, „Онъ
давъ менѣ тебе маму, а ты менео много ббльше лю-
бишь, якъ тая птичка свои дѣти. Я безъ тебе давно
бувбы умеръ!“ и почавъ матеръ за шію стискати.

Отъ того дня малый Бенусъ всегда такъ мавъ своей
матери щось нового оповѣдати, показовати и прино-
сити. Бавило его все, що лишъ на свои очи увидѣвъ,
понеже не мавъ дѣтей-товаришей, ани ніякихъ за-
бавокъ зъ мѣста, котрѣ бы его були розривали.
Матеръ свою Геновефу надъ все любивъ, а кожде
боже сотвореніе впадало съ удивленіемъ въ его очи,
наполненіи найглубшою покурою. Щоденно прино-
сивъ до печеры всякого рода цвѣтки, и веладавъ
ихъ въ кошки, котрѣ Геновефа зъ свѣтнику выпледа,
а пбзвѣйше сбиравъ ожины, малины и афины и при-
носивъ своей матери. Печеру свою прикрасивъ шка-
ралупами изъ слимакбвъ, рбжнобарвнымъ мохомъ,
и всякими свѣтящими каменями, такъ що печера
уже краснѣйше бѣте тогды выглядала. Кождого дня
цѣкавый Бенусъ оповѣдавъ своей матери о тыхъ цвѣ-
тахъ и що зъ нихъ поробилися уже овощи, а также

и за птички не забувавъ, котрѣ уже давно були ѳт-летѣли. Коли увидѣвъ часто якую будь звѣзду на небѣ, або черезъ ялицѣ зорю вечѣрну, не мѳгъ начудоватися божою премудростію, и Геновефатакожь съ нимъ приглядалася, та обое дякували Богу за его премудрѳсть. А поглянувши въ небо, часто говорила: „Тажъ то, милый Боже, невинне сердце знайде собѣ рай и въ пустыни, а душа, котра Тебе надѣ все любить, посередѣ плачу и терпѣній находить свою послудну цѣль въ небѣ.“

Одного дня заставила Геновефа хлопчину пѳдоймити камѣнь и такъ въ повѣтрю держати. Хлопецъ учинивъ тое, но понеже камѣнь бувъ за тяжкій, то не довго его державъ, и спустивъ зновѣ на землю. „Такъ, видишь дитинко, все, що тяжке, николи не утримаеся въ повѣтрю, если его никто не держить. А протое сонце, мѣсяць и звѣзды кружатъ тамъ надѣ нами, хотяй ихъ никто не держить, и не посувае. Они суть тысячи тысячей разѣ бѳльшій и тяжшій якъ тая пустыня, а якбы найменша звѣзда тутъ упала, покрылабы той цѣлый лѣсъ и все бы перебурила.“ „Якже тое дѣеся?“ запытавъ хлопецъ, задивившись въ гору. „Отець небесный своимъ всемогуществомъ ихъ тамъ держить, и посувае ихъ такъ мудро, щобы намъ свѣтили, и николи одній въ другихъ не завадили.“ „О якій то сильный Богъ, що Онъ тое все держить, коли я заледво одинъ каменецъ трошки мѳгъ пѳднати,“ ѳтповѣвъ хлопчина.

Зажурена матеръ перестерегала мальчика ѳтъ шкодливыхъ рослинъ, котрыхъ тутъ въ пустыни

множество выросло. А показуючи ему всѣ такі шкодливі губы зъ особна, сказала: „Боже борони, дитинко, абы ты що зъ тыхъ взявъ до устѣ. Щобысь николи ничого не ѣвъ, доки впередъ менѣ не покажешь, бо мѣгъ бысь захоровати або и умерти.“ Добра мати напоминала его и о иншихъ дитинячихъ грѣхахъ: о непослуствѣ, опорѣ, лакомствѣ и проч., а наконецъ сказала: „Роби все такъ, якъ я тобѣ кажу, не супротивляйсѣ моей волѣ, держисѣ чистенько, руки и тварь мый щоденно, ба навѣть и все тѣло умывай, шѣрно уживай божихъ дарѣвъ, не шукай що динны лучшихъ, бо втогды уже бувбысь непослушный, нечистый, лакомый, а противъ мене и Бога невдячный, переступивбысь мои приказаня, а заразомъ и Отца небесного, що черезъ все тое пополнивбысь грѣхъ. Тогды уже я бы на тебе гнѣвалася, и Отець небесный, ба и Ангель хранитель ѣтъ тебе ѣтступивбы, а тебе пожерлибы хищніи звѣри. Такіи дѣла суть бѣльше шкодливіи якъ всѣ ядовиті рослины; бо грѣхъ рѣвнаеся тымъ губамъ, котрѣ на першій видъ такъ хорошо выглядятъ, а котрыхъ пожавленіе приносить згубу; такъ всякое зло найчастѣйше ясно подыскуеся, и пріятнѣйше въ очи впадае ѣтъ доброго — бо бачишь, якъ тутъ на прим. той мухоморъ далеко краснѣйше выглядаетъ ѣтъ гриба, цѣлкомъ пожиточного для людей.“

Геновефа изъ-за вовка дѣстае теплую одѣжу.

Посередѣ многихъ невинныхъ потѣхъ уплынули Геновефъ съ ея сыномъ весна и лѣто. Настала осѣнь, сонце чимъ разъ ѡтдалялося, що днини пѣз-нѣйше всходило, а скоро заходило, або цѣлыми тыжд-нями не було видко зъ-помежи мрачныхъ чорныхъ о-блакѣвъ. Земля перестала уже все выдавати, милое пѣнїе птичокъ утихло, а зъ околицѣ много птицъ ѡтлѣтало въ тепліи краѣ. Цвѣтки позасыхали и по-щезали, а листьє жовте висѣло по деревахъ, а котрї сами зъ деревъ не упали, то зимнї вѣтры що до одного пострясали. Серце Геновефы наполнилося бо-язнею передѣ надходящою зимою, и съ заплакаными очима спозирала на смутную природу. Втогда то ѡто-звався до неї Бенусъ: „Мамо, чи Богъ уже насъ не лю-бить, що такъ все для насъ тепло ѡтбравъ, чи може то уже свѣтъ мае завалитися?“ „О нѣтъ, любя дитинко, если мы лишь добрыми и побожными есьмо, то всегда Богъ насъ любить. Та то тѣлько на земли все змѣ-няеся, а любовь Божя къ намъ всегда остае вѣчною. Теперь наступае зима, а коли еѣ пережїемо, то зновъ настануть прїятнї, веснянї дни, що року тое такъ змѣняеся, для того теперь еще передѣ зимою радуйся надходящою весною.“ Въ тѣмъ подумала собѣ: „ты дитинко, щось першїй разъ теперь лишь порозумѣвъ, навѣтъ не хотѣвбысь вѣрити, що по зи-мѣ зновъ завитае весна, такъ само якъ по смутку часто наступае радѣсть. Тое все исполняеся на минѣ, та протое хочу супокѣйною и веселою бути якъ ты.“

Отъ теперь щоденно сбирала Геновефа на зиму лѣсовѣ яблока, грушки, ягоды, орѣхи и все, що лишъ до поживленя служитъ. Добувала зъ землѣ такожь множество корѣнцѣвъ — а во всѣмъ Бенусь охочо ей помагавъ. Сѣна для ланѣ уже впередъ напратала. Но найббльше журилася одежою, котрой въ зимѣ конечно потрѣбно. Сукня бо ей була уже подерлася, котрую въ день и въ ночи на собѣ носила. Съ сердечнымъ плачемъ сидѣла передъ печерою, та счепляла подерту сукню прутиками и глѣжками до купы, такъ що тое трималося яко - тако. „Ахъ щобымъ теперь дала за иглу, та за кѣлька нитокъ,“ подумала собѣ. „Много то людей жие въ супружествѣ съ собою, но часто имъ ани одному не упаде на гадку за тое подяковати Богу.“ Хлопчина, пѣзнавши еѣ тайный жалъ, ѣтозався до неи: „Мамо, чи припоминаешъ собѣ, щось менѣ сказала, якъ я тебе пытавъ, чому ланя лѣвилася? — Ты менѣ сказала, що Богъ еѣ одѣвае на лѣто въ жовту и рядоньку, а зновъ на зиму въ темнѣйшу и густѣйшу шерсть. Для того будь весела, а Богъ запевно и тобѣ дасть якуюсь одежу. Чи може думаешь, що ты не ешь у него лучшою ѣтъ ланѣ?“ Геновефа погладила хлопчину съ усмѣхомъ, и сказала: „Добре кажешь, мила дитино, я хочу бути спокѣйною, а Богъ насъ помилуе; коли Онъ звѣрята и дерева приодѣвае, то запевно и о насъ не забуде.“ Въ кѣлька дней пѣзнѣйше, заказала Геновефа хлопцеви нигде не ѣтоходити зъ печеры, сама же взяла галузь въ руки, и гарбузовый горнець съ молокомъ, та пѣйшла лѣсами вышукати деревъ, на

котрыхъ бы були еще овощи на поживленіе. Выйшовши на високу одну скалу, усѣла собѣ тамже, щобы молокомъ покрѣпитися. Въ тѣмъ выходитъ на тую скалу также и вовкъ, котрый нѣсъ въ пащецѣ ѓвцю. Наразѣ ставъ коло Геневефы, спозираючи на ню дикими очима. Настрашена Геневефа, вхопила за галузь, що сила прискочила до вовка и ударила его по головѣ, щобы выратовати нещастне ягнятко. Удареный вовкъ сейчасъ выпустивъ ѓвцю, а потачуючися и выючи поволѣлся въ долину зъ скалы. Геневефа же вляла ѓвцѣ въ пысокъ троха молока, и придивлялася, чи бы еѣ еще не можъ привести до житя, но все було за дармо, бо ѓвця уже була згинула. Увидѣвши Геневефа нещастне звѣрятко уже не живе, наполнилася жалемъ и промовила: „Ахъ, бѣдне звѣрятко! чи ты зъ тыхъ сторѣнъ, где мои милі родичі, где моя ѓтчина? — Давно я уже ничо за нихъ не знаю, о, кобысь була жива, якбы я тебе кормила! якбы тобою моя дитина тѣшилася! Чи може ты зъ тыхъ нашихъ чередъ? О, Боже, таже она знамя наше носитъ!!

Кобы ты жила и розумѣла мою бесѣду, не одно я бы тебе выпытовалася: Чи щастливо повернувъ мѣй мужъ зъ вѣины? Чи еще гнѣваеся на мене, або чи признавъ мене невинною? Ахъ, бнѣ собѣ въ гараздѣ и достаткахъ проживае, а я тутъ зъ недолѣ и недостатку умераю.“ Въ тѣмъ подумала собѣ: „Я предцѣнь мушу бути недалеко ѓтъ дому, бо инакше тое звѣрясюда бы не дѣсталося. Щобы то було, якбы я съ дитиною туда повернула?“ Серце еи чувство-

вало охоту повернути до дому, и рѣснѣ слезы скропили еѣ лице. Думала довго, думала, а въ кѣнци сказала: „Таки тутъ буду проживати, до чого звязала мене строга присяга, а хоть вправдѣ моглабымъ сказати, що причина смерти до присяги мене примусила, та таки не було бы добре еѣ зломити, — и кто знае, чи такимъ дѣломъ не сталабымъ причиною смерти тыхъ двоихъ мужей, котрѣ менѣ житѣ даровали? Для того остану тутъ, доки буде Божа воля, и доки Онъ своею ласкою не запровадить сюда якого чоловѣка, бо лучше всяку нужду зносити, якъ сумлѣнье нарушати.“ Збѣшовши до потока, вышукала остро лущинку слимакову, котрою то здбѣимила шкѣру зъ ѣвцѣ густою вовною покрыту, а выполокавши въ потоцѣ и высушивши на сонци, убралася въ туюжь и прѣйшла на вечерь до печеры. Бенусь уже далеко напротивъ неи прибѣгъ пѣдскакуючи и сказавъ: „Мамо, чому такъ бавилася, а я такъ журился за тебе? Гдесъ такъ довго бавилася?“ Наразъ ставъ и задивовався, бо свою матеръ въ шкѣрянѣй одежи при вечерной зорѣ не спѣзнавъ, и сейчасъ утѣкъ до печеры, щобы тамже мѣгъ скрытися; но коли учувъ еи прѣятный голосъ: „Не бѣйся, любенькѣй, своей матери,“ повернувъ до неи и сказавъ: „Богу дяковати, що то ты, якже менѣ весело. Но скажи менѣ, що то маешь на собѣ, ты щось трохи такъ убрана якъ я! Зъ-ѣтеи ты тую одѣжь дѣстала?“ „Богъ всемилостивый еѣ менѣ даровавъ,“ ѣтповѣла Геневефа. „Вотъ видишь, любезна мамо, тажь я тобѣ казавъ, що Господь постарается о одежду для тебе

на зиму. "А посмотрѣвши на ню, сказавъ : а яка она мягонька, тепла и бѣла, дѣйстно така якъ хмарки на веснянѣмъ небѣ. О то правдивый даръ бѣтъ Господа Бога!" Вернувши въ пещеру, малый Бенусъ привѣсъ ей молока, и кошчокъ овощей, а ѣвши тое, Геновефа оповѣдала ему обширно все, якъ она до той воняной одежи прійшла.

Настала остра зима, котра Геновефу съ хлопцемъ зновъ въ пещерѣ замкнула, пѣдчасъ котрой то зимы лишъ въ погѣднїи дни переходилися обое долиною. „Вотъ любезный сыну,“ промовила Геновефа, „и въ зимѣ пѣзнати доброту божу, бо видишь якъ все бѣлѣеся бѣтъ снѣгу, якї хорошї каплѣ на деревьяхъ позамерзали, подобнї до перель кришталевыхъ. Якъ хорошо бѣбиваются всякими барвами искры снѣгу, где на нихъ сонце свѣтитъ. Хотя всѣ дерева нагїи безъ лїствя, то предцѣвнъ Отецъ всемогущїй зарядивъ, щобы шпильки на ялицяхъ остались зелеными, пѣдъ котрыми звѣрята хоронятся бѣтъ студеного вѣтру и морозу. На ялѣвцю остались ягоды, щобы лѣсовї птицѣ могли и въ зимѣ ними живитися. Потѣчокъ нашъ не замерзаетъ для того, щобы они мали що пити, а въ потѣчку всегда растутъ зимовїи рослины, котрыми не одно животне кормится. Такимъ то добротливымъ есть Господъ Богъ, що такъ печалится навѣтъ въ зимѣ о свои сотворѣнїя.“ Пѣдчасъ заверухи малый хлопчина всегда кидавъ передъ пещеру насѣвня зъ травы, до котрого всякї птички прилѣтали и тоеже дѣзобали, ба навѣтъ и останки сѣна, що ланя лишила, выносивъ передъ

печеру, чимъ сарны и заяцъ до печеры вабивъ, котрй въ кѣнци такъ були привыкли, що навѣтъ зъ его рукъ сѣно вѣи, и пѣскаковали коло него, зъ чого Геновефа и середъ острои зимы мала велику утѣху. Однои днини, коли хлопчина множество звѣрятъ передъ печерою увидѣвъ, сказавъ до своей матери: „Мамо, кѣлько тутъ есть птицъ, заяцѣвъ и сарнѣ, а насъ всегда лишъ двое. Чи Господь лишъ двое насъ сотворивъ?“ На тое сказала Геновефа: „Нѣтъ сынку, людей есть бѣльше якъ тутъ камѣня, моху, травы, рослинъ, ялицъ, соснѣ, букѣвъ и дубѣвъ. Они були, суть и будутъ, и зовутся люди, а всѣ походять ѣтъ Адама и Евы. Адамъ бувъ чоловѣкъ якъ ты, но бѣлшій, а Ева була жѣнка, така якъ я. Богъ сотворивъ Адама зъ глины, но тая глина, хотъ мала видъ чоловѣка, мала руки, ноги, очи, уха, уста, однакожъ она ани не рушалася, ани видѣла, ани чула, ани говорила, доперва коли втхнувъ въ ню Господь духа, она сейчасъ почала рушатися, и видѣла и чула и говорила. Зъ того духа сталася душа въ ней, и такъ стався першій чоловѣкъ. Для того памятай Бенусю, що и мы походимо ѣтъ Адама, и складаемя такъ якъ и Адамъ зъ двоухъ головныхъ частей: зъ оживленои глины або тѣла, и зъ души, котра ѣтъ Бога походить. Пѣанѣйше же зъ ребра Адамоваго сотворивъ Богъ Еву.“ Тутъ перервавъ хлопецъ бесѣду мовячи: „О якій той Богъ добрый, коли Онъ зъ глины и ребра таке дивне тѣло сотворивъ. А яка то мусить бути красна душа, коли она ѣтъ самого Бога походить, котрый, якъ ты менѣ не давно опо-

вѣдала, своєю красотою перевысшае всякѣ сотворѣня. Кобы я душу мѡгъ видѣти!“ На тѣя слова бѡдозва-
 лася Геновефа: „Правда, сынку, що Его сила непо-
 нятна, и незрѡвнана объявляеся въ сотворенію души,
 котру тутъ не увидишь, лишъ можешъ зауважати, чимъ
 она намъ даеся пѡзнавати. Она то тѣшитя, то и
 смутитя, вынаходить всякѣ предметы, порушае насъ
 до всякихъ дѣлъ, розмовляеся съ Богомъ черезъ
 молитвы и возноситея до него,... но знай и тое, що
 Богъ не потребовавъ глины и кости, щобы сотво-
 ривъ тѣло, Онъ бо може кождою хвилѣ все сотворити,
 що Ему подобаеся; но Онъ для того употребивъ
 тыхъ частей, щобы намъ показати, що душа пануе надъ
 тѣломъ, що она до Бога, а тѣло и кости до землѣ
 належать. Тое тѣло наше мае цѣлкомъ иншу по-
 ставу, якъ тѣло звѣрятъ, котрыхъ очи всегда до
 землѣ оберненѣ. Людске тѣло естъ высшое, черезъ
 тое дае намъ Господь порозумѣти, що повинни сѣмо
 серцями нашими возноситя выше,—то естъ до неба,
 куда намъ такъ пріятно свои очи звертати.“ Коли
 тое все хлопчина съ великою увагою слухавъ, Ге-
 новефа говорила дальше: „Теперь добре собѣ запа-
 мятай, що Адама и Еву Сотворитель збѡставивъ въ
 одномъ прекрасномъ огородѣ, богатѡмъ въ прехорошѣ
 овощнѣя деревья, котрый назывався *рай*. Позволивъ
 имъ рядити всѣми рѣвчями, або инакше сказати: учи-
 нивъ ихъ цѡномъ надъ землею, — а ничого имъ
 не хибовало. Богъ перебувавъ съ ними, говоривъ, и
 позволивъ имъ зѣ всѣхъ деревъ овощи вѣсти, лишъ
 зѣ одного дерева не позволивъ, ба навѣтъ и смертію

загрозивъ, о чѣмъ расскажу тебѣ пѣзвѣйше, если будешь мавъ охоту слухати. — Но сталося инакше: зъ намовы дїявола або злого духа, котрый съ многими злыми духами бувъ ѡтъ Бога низверженъ, съѣли оwoцъ запрещеный, а зломивши Божу заповѣдь, *согрѣшили*. Богу не подобалися, и изъ той причины збстали выгнанїи зъ раю — ба навѣтъ Богъ свое царство затворивъ передъ ними. — Зъ причины грѣха попали въ нещастье, та для того теперъ и намъ зле поводится. Однакожь Господь милосердный не опустивъ ихъ — и придѣвъ ихъ нагихъ скѣрами звѣрячими, такими якъ мы теперъ обое маемо. Научавъ ихъ, и выпровадивъ ѡтъ нихъ наслѣдникѡвъ, котрымъ пѣзвѣйше посередъ громѡвъ и блискавиць обѣявивъ свою волю або заповѣди, щобы имъ добре поводилося, якъ тотї заповѣди будутъ сохранятьи.“ „Мамо, якъ добрый есть Господь Богъ для людей, но якъ зновъ люди не уважали на тое, що Богъ приказуе, щобы Его слухали, та щобы за тое добре имъ поводилося! Що то за нещастье для людей есть грѣхъ! О, не хочу я николи грѣшити, лишъ того Отца небесного и тебе всегда слухати буду!“ Оповѣдаючи Геновефа хлопчинѣ много доброго и хорошего о Бозѣ Сотворителю нашѡмъ, а возбудивши въ немъ любовь до Бога, почала учити его молитвы, котрї сама на передъ голосно и выразно говорила рано, въ полудне и вечеръ, або передъ обѣдомъ, а хлопчина клячущи повтарявъ за нею, доки на память не научився. Такимъ же способомъ научила его побожныхъ пѣсней, котрї довгими вечерами въ печерѣ обое спѣвали. Съ такими

побожными бесѣдами и науками яко-такo довгій часъ имъ ультавъ. — Серце Геневефы радовалoся поступками сына; однакожь много таки терпѣла бѣды и журы. Хлопчина скоро засыплавъ, и черезъ цѣлу нѣчь не пробуджовався, а Геневефа въ темнѣй пещерѣ самотно сидѣла и заснути не могла, лишь всегда воздыхала: „Ахъ, кобы я хоть маленькiй каганецъ съ олѣемъ мала, котрый бы тую темну пещеру освѣтивъ; щобы то за щастье було для мене, якбы я мала при тѣмъ яку книжку, або роботу, тогда то булабымъ щастливою! Найниша моя служниця та найбѣднѣйша женщина въ моимъ графствѣ лучше теперъ маеся бѣ мене. Они то теперъ сидять въ теплѣй комнатѣ, прядуть при свѣтлѣ, при лампѣ, и посередѣ веселыхъ розговорѣвъ уплывають имъ години.“ Потому зновъ обернулася серцемъ до Бога и сказала: „О Боже, велике добродѣтельство для мене есть тое, що хоть Тебе знаю, бо безъ Тебе не малабы я никого, съ кимъ бы я розмовитися могла; безъ Тебе въ сей пещерѣ зъ журбы булабы я давно умерла, а ты въ кождѣмъ припадку житя охочо насъ потѣшаешь.“

Геневефа въ пустыни впадае въ слабѣсть.

Уже шѣсть лѣтъ и шѣсть зимъ Геневефа съ хлопцемъ на пуци перебули, ажъ дѣждалася семои зимы. Минувшiй зимы не були за надто острi, ажъ тая сема, тутъ на пуци, була для неи дуже

остра и зимна. Великіи снѣги упали на горы и долины, що навѣтъ галузье на сильныхъ дубахъ и букахъ ломилося ътъ его тягару. Геновефа яко-тако забезпечила передъ снѣгомъ вхѡдъ до пещеры, однакожь сильнѣи вѣтры намѣтали до неѣ много снѣгу. Геновефа накрывалася съ хлопцемъ мохомъ, котрого черезъ осѣнь собѣ наносили, однакожь мало то що ихъ загрѣвало, бо мохъ перемокшій ътъ снѣгу бувъ досытъ студеный, а галузя ялиць, що спивялися понадъ пещеру, були покритѣ морозомъ, подобно до замерзлыхъ ѡконъ, а звычайна теплота ланѣ, не змогла огрѣти пещеры пѡдчасъ такого зимна. Лисы ътъ студени гавкали, а вытье вовкѡвъ розлягалося по лѣсѣ. Геновефа цѣлыми ночами ока не зажмурила, а до того еще боялася, чтобы еѣ съ хлопчиною вовки не пожерли. Бенусъ бувъ зъ роду привыкъ до твердыхъ стравъ, и острыхъ морозѡвъ, для того и зимно тое ему не дуже шкодило, но Геновефа, яко книгня, выросла въ свѣтлицяхъ, где лавки були коврами всегда застеленѣ, не могла довше такого зимна вытерпѣти. Часто плакала, а слезы спадаючи, замерзали ледомъ, а при тѡмъ говорила: „кобы я мала хоть искру огню, якбымъ могла загрѣтися, а такъ межѣ дровами мушу замерзати зъ студени. Однакожь Отче небесный, да будетъ воля Твоя.“ Дальше звернула очи на Бенуся, котрый мохъ сухій выберавъ и тымже матеръ свою накрывавъ, та ѡдзавася до неѣ: „Мамо, скажи менѣ, чому то теперь такъ студено, коли еще недавно такъ було тепло?“ „Колѣсь цѣкавый знати, то слухай, я тобѣ розкажу:

Теперь солнце дуже отъ насъ отдалилося, и для того дуже мало землю огрѣвае — а вмѣсто дощу падае зъ хмары снѣгъ, и для того робится морозъ. Та и въ тѣмъ много доброго Отець небесный припоминае, що тутъ на земли нема ничего вѣчного, для того треба шукати вѣчности, т. е. Бога и Его дарбвѣ небесныхъ. Хоть Господь давъ зиму на земли, но противъ неи забезпечивъ и насъ, бо видишь що маемо тутъ на пуци мохъ, шкѣры, и ланѣ, а еще що бѣльше? Вотъ (показуючи палцемъ) тутъ лежитъ ж о л у д о к ъ, що мае въ собѣ велику горячѣсть, за помочию котрой переробляе въ соки все, що поживаешь, и розсылае ихъ теплыхъ по цѣломъ тѣлѣ, найбѣльше черезъ жилы, котрѣ тутъ на рукахъ видишь.“ Потому взяла его руку и приложила до сердца, та сказала: „Чуешь много разбвѣ сердце бѣе, кѣлько оно за кождымъ разомъ ѳтсылае кровь на всѣ части тѣла, отъ головы до нѣгъ, а ѳтъ нѣгъ зновъ въ гору, а такимъ дѣломъ кровь цѣле наше тѣло огрѣвае. Якбы такъ мудро Богъ тое не зарядивъ, певно мы бы тутъ якъ глина замерзли, не маючи тепла бѣльше, якъ лишъ ѳтъ нашей ланѣ.

Окрѣмъ того знаходятся по-пѣдъ скѣру на цѣломъ тѣлѣ *нервы*, котрѣ выглядятъ якъ нитки, за помочию котрыхъ пѣзнаемо зимно и тепло.... Колибы того не було, то не закрывалибысьмося передъ мѣрозами, а такой мы бы померзли, а въ лѣтѣ не моглибысьмо чути горячихъ спекъ, котрѣ бы намъ шкодили. Въ головѣ нашѣй находится *мозгъ*, подѣбный до того, що я тобѣ не давно зъ ѳвцѣ показовала,

есть то найпотребнѣйша рѣчь, но дуже делькатна. Щобы мозгъ легко не пошкодився, то умѣстивъ его Господь въ твердѣмъ черепѣ, накрытѣмъ волосьемъ, щобы спека и зимно до мозгу не доходили.“

Дальше толковала Геновефа: „Якъ то чудесно Богъ *очи* сотворивъ, и якъ ихъ мудро умѣстивъ! Они, яко дуже небезпечнѣ на всяке ушкодження, знаходятся помежи кѣстками, для того, щобы тотѣ кѣстки хоронили ихъ бѣтъ ушкодження, также покритѣ повѣками, щобы бѣтъ дощу, снѣгу и метѣли були безпечнѣ, ба навѣтъ и бровы суть надъ ними, щобы пѣтъ текучій зъ чола на нихъ здержався, а не дѣстався до очей, котрымъ бубы дуже шкодливый. Очи обертаются въ тыхъ долинкахъ на всѣ стороны, изъ чого для насъ добре, що безъ порушеня головы можна на всѣ стороны подивитися.--Также и *носы* мудро Господь посадивъ на самѣй серединѣ лица, щобысьмо нимъ сейчасъ чули чистый и здоровый воздухъ а заразомъ волгке, зѣгниле, дуже шкодливе повѣтрѣе. *Ноздри* знаходятся надъ устами для того, щобы сейчасъ чули, колибысьмо що шкодливого споживати мали.“ Хлопчина задоволеный такою бесѣдою, просивъ свою мать, щобы ему еще що оповѣдала, а Геновефа радуочися, що бнѣ такъ прилѣжно все бере собѣ до головы, оповѣдала дальше: „Кѣлько ты уже рѣчей видѣвъ *очима*? Ты видѣвъ небо, хмары, сонце, мѣсяць и звѣзды, зерно, дугу, квѣтки, ягоды овощѣ, траву, дерева и птахи, звѣрята, яснѣсть и красоту всякихъ рѣчей, себе и мене видишь; пѣнавѣ ты зѣ-бтси премудрѣсть божу въ небѣ и ра-

дуешься тымъ всѣмъ. Безъ очей ничего о тыхъ рѣчахъ ты бы не знавъ на свѣтѣ, и потѣхи ніякои зъ нихъ не мавбысь, ты бы не знавъ где ногою поступити, що взяти, а коли утѣкати.“ На тое бѣозався Бенусъ: „О Боже! дякую тобѣ за очи!“ — „За помочию языка говоримо, спѣваємо, за помочию него учимося много всякихъ пожиточныхъ рѣчей, а якъ то бы сумно було намъ безъ него тутъ на пуши, не могучи съ собою розмовитися. Однакожь безъ *ушиї* не моглибысьмо научитися говорити, ани чути пріятный спѣвъ птицъ, ани чути пріятну бесѣду людску. Но Отець небесный все то такъ мудро зарядивъ.“

Тотѣ науки загрѣвали серце хлопчины, но перестуджену Геновефу чимъ разъ бѣльше ослабляли. Еи пріятне лице змѣнилось, бо румянецъ зъ него чимъ разъ бѣльше щезавъ, а смертельна блѣдѣсть покрыла еи тѣло. Еи вдячнѣи очи запали въ голову, на тѣлѣ що разъ спадала, такъ що сталася Геновефа образомъ нужды. Спозираючи на ню хлопчина, бѣозався съ слезами въ очахъ: „Найдорожша мамо, якъ ты змѣзернѣла, що ты ледво пѣзнати могу. О Боже, що то такого значитися!?“ На тое бѣповѣла Геновефа: „Я теперь дуже хора и запевно умру.“ „Умру,“ бѣозався хлопець, „щожъ то таке? Я еще въ житю моимъ ничего такого не чувъ?“ „Но, то коли не знаешь, то я засну, такъ, що уже николи не пробуджуся; а втогды мое око уже не увидить сонця, мое ухо тогды не учуе ничіего голосу, а все тѣло зимне на земли буде лежати, ани однимъ пальцемъ потому рушити не змогу — наконецъ

цѣле тѣло спорохнѣе и обернеся въ землю.“ — „О не умерай, дорогая мамо, прошу тя съ слезами: не умерай.“ — „Не плачь мила дитинко, бо не въ моихъ рукахъ тое, умерти або нѣтъ. Божа така воля.“ „Божа? — тажъ ты менѣ всегда говорила, що Богъ такъ добротливый! Якже Онъ тое може допустити? Я бы навѣтъ птички не позволивъ погубити, а тебе николи!“

„Правда, мила дитинко, що ты бы менѣ не ѳтбиравъ житья, но и Отецъ небесный того не сдѣлае. Вотъ бо видишь, що я не тѣлько зъ тѣла повстаю, якбы и ты, но въ тѣмъ тѣлѣ мѣститя щось дорожшого, и краснѣйшого ѳтъ сонця, мѣсяця и звѣздъ. А есть то душа невидима, такъ якъ самъ Господь Богъ; найдорожшій Его даръ, котрый тѣло оживляе, но разомъ съ тѣломъ не умерает. Припѣмни собѣ якъ недавно я стару сукню зъ себе скинула, а другу убрала, а то для того, понеже Богъ менѣ лучшу даровавъ. Такъ видишь и тое зѣпсоване тѣло теперь хочу зъ себе скинути. Оно спорохнавѣло якъ тая стара сукня, я же сама, т. е. моя душа вознесетя до Бога Сотворителя нашего на небеса, котрый мене вмѣстото того тѣла, краснѣйшимъ тѣломъ приодѣе. Тамъ въ небѣ — тамъ менѣ добре буде, тамъ ѳтъ морозу трястися не буду, тамъ николи плакати и заводити не буду; а вмѣсто терпѣній, получу роскошь; бо якъ весна ѳтъ зимы пріятнѣйша, такъ и небо краснѣйше ѳтъ землѣ; навѣтъ найкрасшій и найпогѣднѣйшій день весняный выгледае напротивъ неба такъ якъ остра и темна нѣчь въ зимѣ. Кто честно

и побожно тутъ жіе, той може сподѣватися, що ко-
 лись дѣстанеса до неба.“ — „Мамо, я поїду съ
 тобою, бо тутъ межи дичиною самъ не остануся,
 бо они менѣ ничого не отвѣчаютъ, коли съ ними
 розмовляюся; для того хочу умерти и сукнею
 нетлѣнною свое тѣло смертное приудѣти.“ — „Нѣтъ,
 люба дитинко, ты еще мусишь остати на земли, но
 побзвѣйше, коли тутъ будешь побожно жити, то не-
 бѣтмѣнно дѣстанешся до мене, до неба, бо и ты
 разъ мусишь умерти. Теперъ слухай, що тобѣ ска-
 жу: Коли уста мои до тебе бѣльше не бѣдзвуются,
 коли я уже перестану дыхати, коли взрокъ моихъ
 очей загасне, моя тварь зблѣдне, руки мои зимнѣ
 будутъ, останъ тутъ еще три дни, а потѣмъ якъ
 переконаѣшся, що я уже мертва и прикрый чухъ
 наповнить тую печеру, тогды выходи зъ сеи пуци.
 Иди всегда въ тую сторону, где теперъ сонце всхо-
 дить, а за одинъ або два дни выйдешъ зъ того гу-
 стого лѣса и увидишь передъ собою широкую рѣв-
 нину, на котрѣй много тысячей народа жіе.“ —
 „Много тысячей народа?“ закричавъ хлопецъ съ
 удивленіемъ, „тажъ я собѣ думавъ, що насъ лишъ
 двое на свѣтѣ. Ахъ, для чого ты менѣ давно уже
 того не сказала. Кобы ты могла ходити, всейчасъ
 мы бы до нихъ поїшли.“ „Моя дитинко, були межи
 тыми людьми такѣ грѣшники, що дали насъ обое
 сюди межи дикѣ звѣрята; ба еще мене и тебе хо-
 тѣли убити!“ „О, коли такъ, то не хочу я ити до
 нихъ! Я бо думавъ, що они суть такъ добрѣ, якъ
 ты мамо. Но скажи менѣ, чи и они умерти мусятъ?“

„Такъ, не иначе, бо якъ Адамъ и Ева умерли, такъ всѣ люди, грѣха первородного ради, мусягъ умерти.“ „Но они певно того не знаютъ, такъ якъ я до теперъ не знавъ, для того пбйду до нихъ и скажу: люди покайтеся, бо умрете, и не прійдете до царствія небесного; коли бы менѣ тблько хотѣли повѣрити.“ „Они давно тое все знаютъ, однакожъ до теперъ не поправляются! Жіють въ достаткахъ, земля родить имъ найкрасшій поживлѣня, якихъ въ сей пуци не увидишь, мають наилучшій стравы и трунки, носятъ, одежи всякои барвы, а у богачѣвъ одѣжь кожда вышита дорогими камѣнями, що блищать якъ звѣзды. Ихъ помешканя такі суть хороші, що навѣтъ тобѣ того описати не могу. Зимую въ нихъ тепло, и навѣтъ ночами такъ ясно суть освѣтлені, якбы и въ днину. Но за всѣ тоті добродѣтели Богу навѣтъ не подякуютъ, и не думаютъ о Немъ. Противно ненавидятся, друтся, позываються помежи собою. Кождаго майже дня где-котрі зъ нихъ умераютъ, но другі не зважаючи на тое, жіють собѣ весело, такъ якбы на сей земли вѣчно позбстати мали.“ „О, коли такъ, то я уже до нихъ не пбйду! Бо якъ то правда, що ты повѣдаешь, то тія люди суть дурнѣйшими бтъ нашон ланѣ, котра прецѣнь тутъ съ нами жіе и обходится безъ нихъ. Для того волю я тутъ съ нею проживати, остануся при звѣряхъ въ тбй пуци, и до людей ббльше не пбйду.“ „Конечно мусишь до нихъ вертати, мила дитино! Они тобѣничого злого не зрблятъ. Щобысь лучше порозумѣвъ, для того мушу тобѣ сказати, що окрбмъ Отца

небесного, есть такожь на земли и твоѣй отецъ, якъ я твоя матеръ.“ „Есть межи людьми такожь и мѣй отецъ, котрого, може такъ якъ и тебе можна видѣти и его за руку взяти?“ — „Такъ мила дитинко! Можешь его кожного часу видѣти и съ нимъ розмовлятися.“ „А чомужь ѡнъ до насъ николи не прійде, и съ нами не розмовится? Для чого ѡнъ насъ держитъ въ тѣй пуци, чи и ѡнъ такожь такій злый, якъ тотѣ люди?“ „О нѣтъ, любя дитино, ѡнъ честный чоловѣкъ, того ѡнъ не знае, що мы тутъ на пуци проживаемо, а навѣтъ и не знае, чи мы еще жиемо, ѡнъ думаетъ, що насъ уже замордовали, бо злѣ люди на мене брехали, и ѡнъ мене за найгѣршу жѣнку на свѣтѣ узнавъ.“ „Щожъ то значитъ брехати? Я того не розумѣю.“ „Брехати, значитъ, иначе говорити якъ думати. Бо на примѣръ люди однѣ до другихъ говорятъ нѣбы зъ любви, а въ серци ихъ кипитъ ненависть. Тогда то называеся брехати.“ „Ахъ, Боже, якѣ то несправедливѣ суть сотворѣня!“ „Видишь они и передъ твоимъ отцемъ набрехали.“ Потому оновѣла сыновни всѣ свои приключенія, врештѣ сказала: „Приглянься тѣй золотѣй обручцѣ на моемъ палци — маю еѣ ѡтъ твоего отця.“ „Ѳтъ мого отця?“ закричавъ утѣшенный хлопецъ. „О найся пригляну ей добре, бо ѡтъ Отца небесного видѣвъ я уже много хорошихъ рѣчей: сонце, мѣсяць, звѣзды, цвѣтки — но ѡтъ мого отця на земли, черезъ цѣле житье я еще ничего не видѣвъ.“ „Яка хороша,“ сказавъ хлопецъ приглядаючися обручцѣ. „Чи отецъ мѣй має еще много такихъ хорошихъ рѣчей? Чи подаруе

менѣ также где-що?“ „Певно що подаруе!“ Потѣмъ вложила обручку зновѣ на палець. „Коли я умру, щобысь всейчасъ знявѣ обручку тую зъ мого палця, бо я еѣ задержу на палци ажъ до самой смерти, якъ я твоему отцевѣ любовь и вѣрнѣсть додержала, котра для него була справедливою и чистою, якъ золото на тѣй обручцѣ. Моя вѣрнѣсть къ нему есть вѣчна, якъ тая обручка есть округла и безконечна— образомъ вѣчности. Коли потѣмъ прийдешъ до людей, то пытай ихъ за графа Сигфрида, бо такъ называеся твѣй отецъ. Проси людей, щобы тебе до него запровадили, но щобысь никому не казавъ: кто ты, зъ-ѣтки и чого хочешъ дѣстатися до графа. Борони Господи, щобысь кому обручку показавъ! Коли уже передъ графомъ, твоимъ отцемъ, станешъ, ѣтдасъ ему до рукъ тую обручку и скажешъ: Отче! тую обручку присылае тобѣ моя матеръ, на довѣдъ, що я есмь твоимъ сыномъ. Она передъ кѣлькома днями умерла, еще тебе поздоровляла, и черезъ мене тобѣ переказала, що була цѣлкомъ невинною, и що тобѣ все тое перебачае. Она сподѣваеся съ тобою увидѣтися въ небѣ, коли на земли то уже не було возможно. Просила тебе также, щобысь живѣ богобойно, супокѣйно, щобысь еѣ не оплаковавъ, а опѣковався надо мною. — Не забудъ же тое, моя дитинко, що я невинна и ему вѣрна, скажи ему, що я тое при сконаню еще говорила и въ тѣмъ умерла, скажи доконче и тое, що я его до самой смерти любила, такъ якъ и тебе люблю. Оповѣджъ ему все, якъ я тутъ вуж-

денно жила и умерла. Попроси его также, чтобы по мое мертвое тѣло до сей пещеры пѣславъ, и въ гробѣ попередникѣвъ моихъ похоронивъ, бо я не була ихъ недостойною, хотяй мене люди за переступницу мають. Еще тобѣ и тое хочу сказати, що такъ якъ ты маешь ѳтця и матеръ на земли, такъ и я также маю своего ѳтця и матеръ. Ахъ, Боже, однакожь не знаю, чи смутокъ изъ-за мене пережили чи нѣтъ. Якъ они еще жиють, то проси ѳтця своего, чтобы тебе до нихъ ѳдославъ. Они будутъ мати велику утѣху, коли тебе, своего внука, увидятъ, и забудутъ за всѣ страданія, котрыхъ черезъ сѣмъ лѣтъ натерпѣлися. Ахъ, честный мѣй отче! Ты мене гѣркими слезами оплаковавъ, и ты дорогая мати! Ты певно за своею донькою много слезъ проляла! Мои найдорожшій родичи, кобы я була еще хотъ разъ видѣла ваше лице передъ моею смертію. Знаю бо добре що и вы бажалибы и мене увидѣти, колибысьте були знали, що я еще жию. Ахъ, вы думаете, що тѣло мое давно спорохнавѣло въ якѣмъ закутку сего лѣса. — Плачешь моя дитинко, прости менѣ, що я тобѣ такъ сердце розранила, теперь добре менѣ приглянься, бо не задовго уже свою матеръ потеряешь, но Господь дасть тобѣ за мене доброго ѳтця, котрый тебе певно буде любити и цѣловати, возьме тебе на свои руки, посадить на колѣна, притисне тебе до своего сердца, и назве тебе своимъ сыномъ, та буде тебе много о мнѣ выпытоватися. Онъ буде въ жалю и утѣхи сердечно плакати, коли тебе, свою дитину на свои очи увидить.“

Геновефа сама бѣ плачу ледво говорити могла и упала безсилна на свою пѣдстѣлку зѣ моху, и довго зѣ безсилности ани слѣвця промовати не могла.

Геновефа на смерть приготавлиа.

Остра зима чимъ разѣ звѣльняла, лагѣднѣй вѣтрѣць повѣвавъ, около полудня сонѣчко зновѣ ясно и тепло зачало пригрѣвати. Насѣвшѣй лѣдъ по стѣнахъ пѣчеры почавъ топиться и каплѣ великѣ изъ него падали. Слабѣсть Геновефы чимъ разѣ побѣльшалася, а она окрѣмъ смерти, ничего передѣ собою не видѣла. Взяла крестикъ зѣ стѣны надѣ собою высыщѣй, и зачала прилагоджуватися на смерть. Вѣ тѣмъ сказала: „Ахъ, вправдѣ бѣнято менѣ тую потѣху, видѣти передѣ смертѣю священника, котрый бы мене покрѣплявъ хлѣбомъ животнымъ на далеку дорогу, однакожъ Ты Отче небеснѣй, Ты вѣчнѣй архипастырю, самъ есь теперь при минѣ! Кожде сердце чоловѣка, що тужить за Тобою, охочо посѣщаешь его и покрѣпляешь. Бо Ты самъ сказавъ: *Вотъ я стою передѣ дверми и пукаю; если кто голосъ мѣй учуе и двери менѣ бѣчинитъ, до того внѣйду и повечеряю съ нимъ, а бѣнъ со мною.*“ Вымовивши тое, еще довго съ сложенными руками тихонько молилася, спозираючи очима на землю. Бенусъ по цѣлыхъ довгихъ ночахъ не спавъ, тѣлько еи пильновавъ, и бѣтѣ тогды не мѣгъ ани вѣсти, ани пити не хотѣвъ. Догаджавъ ей во всемъ, що лишѣ

могъ зъ ей очей пѣзнати, и найстараннѣйше нею опѣковався. Набравши моху въ обѣ руки, якъ лишь высоко могъ руками досягнути, мокрѣ стѣны печеры обтеравъ, щобы вода на хору его матеръ на капала. Посбиравъ еще бѣльше сухого моху, щобы для матери устелити сухую постѣль. Приносивъ ей развразъ свѣжои воды, щобы горячку и спалені уста ѳтмочити могла. А потѣмъ стиснувшу еѣ за шію, плачучи ѳдозвався: „О любезнѣйшая мамо! Кобы то я вмѣсто тебе хорвати могъ, або за тебе такой умерти, то лучше бы менѣ здавалося якъ тое, що я тебе такъ смертельно хору передъ собою виджу!“

Одного рана спала Геновеѳа черезъ кѣлька годинъ супокѣино, и о много сильнѣйша уже пробудилася; а крестикъ деревляной, котрый безпрестанно въ рукахъ держала, въ снѣ выпавъ ей зъ руки. Коли его шукала, догадався Бенусъ, чога она шукае и подавъ ей до рукъ мовячи: „Чога ты мамо такъ всегда того деревця бажаешъ? Що съ нимъ всегда робишь?“ „Моя дитинко! Я сподѣвалася, що еще прожію на семъ свѣтѣ, бо колибы я була знала, що такъ скорѣ умру, давно була бы я тобѣ тое оповѣдала. Теперъ знаючи, що добре николи не потреба довго ѳтволѣкати. Я тобѣ либонъ вже казала, що Отецъ небесный мае такожь и Сына, котрый во всемъ рѣвнаеся до Него. Якъ много Его Сынъ доброго для насъ сдѣлавъ, того я тобѣ еще не казала, бо зъ тои бесѣды бувбысь мало еще що зрозумѣвъ, будучи еще маленькимъ, а до того ѳтъ людей ѳтдаленый, въ сей пустыни взростаючи; теперъ

же, коли уже знаешь, що на земли есть бѣльше людей, и якѣ суть тотѣ люди; колись чувъ уже, а по части видишь по минѣ, що то значитъ умерати, хочу тобѣ що важнѣйшого зъ исторіи Сына божого толковати, а тогды ажъ пѣзнаешь, що то деревце въ моихъ рукахъ означае. Слухай теперъ уважно, и слова матери бери собѣ до сердца.“

„Вотъ видишь: Жаль було небесному Отцу, що люди такими грѣшниками сталися, а для того и несчастливими, що ихъ по смерти ніякъ до неба припустити не було можна. Онъ збславъ протое зъ неба Сына своего наймильшого до нихъ, котрый мавъ ними такъ опѣковатися, щобы поправилися. Его святое имя есть *Исусъ Христосъ*. Той то Сынъ бувъ такъ терпеливымъ и ласкавымъ, якбы самъ Отець. Коли бувъ еще дитиною, о много меншою ѣтъ тебе, также со своею матерію бувъ въ стайни, котра такъ якъ тая наша, була охороною звѣртамъ. Коли уже пѣдрѣсь выше ѣтъ мене, втогда сорокъ дней и сорокъ ночей въ пустыни и въ постѣ перепровадивъ, котра еще гѣрша була ѣтъ сеи нашої. Мѣлився тамъ безпрерывно, щобы тое, що мае людемъ розказовати, и ихъ до спасенія провадити, не було надаремно. Потому пѣйшовъ помежи люди, оповѣдаючи имъ, що Его Отець небесный до нихъ збславъ, и що Отець небесный есть дуже добрый, дуже ихъ любить, що всѣ люди суть дѣтьми тогожь Отця, що они мають также добрыми бути, и такъ Отця якъ и себе самыхъ взаимно любити. Дальше оповѣдавъ имъ всякѣ притчи, представляючи царство

небесное, и казавъ: Кто Его Сына слушае, той по-
 правляеся, и по смерти дѣстанеся до неба, где до-
 статочно буде всякихъ роскошей; а кто его не
 послушае и не поправится, той николи до неба не
 дѣстанеся, но пѣйде до дуже страшного мѣстца.
 Однакожь люди не увѣрили ани Его словамъ, ани
 чудамъ, и що Онъ есть Сыномъ Отца небесного, и
 що Отець небесный Его до нихъ зѣславъ. Тогда
 черезъ различнѣя чуда имъ тое довѣвъ, що Онъ есть
 истиннымъ Сыномъ божимъ. Однакожь люди не
 могли тое терпѣти, коли Онъ имъ представлявъ,
 що они всѣ суть грѣшнѣя, и повиннѣя статися до-
 брыми. Тогда прилагодили велике дерево, на видъ
 сего маленького, що ось въ моей руцѣ, котре *крестъ*
 называеся — потѣмъ гвѣздими, подѣбными до гло-
 гѣвъ, о много бѣльшими и твердшими, руки и ноги
 Ему прокололи, и съ роспатыми руками до креста
 Его прибили, а коли кровь Его зѣйшла, мусѣвъ умер-
 ти.. Они же зъ Него еще ругали и смѣялися. Однакожь
 Онъ никому ничего злого не зрѣбивъ, противно всѣмъ
 добре спрѣявъ и допомагавъ, котрѣ у Него помочи
 шукали.“

На тое ѣдозавеся хлопчина: „Ото негѣднѣя тотѣя
 люди! А не мѣтъ же за то Отець небесный ихъ
 громами поразити? Колибы я бувъ на Его мѣстци
 бубы я всѣхъ поубивавъ.“ „Мила дитинко! Сынъ
 молився еще за нихъ до Отца, мовячи: *Отче!
 прости имъ, не вѣдятъ бо что творятъ.* Тажь Онъ
 зъ самой тѣлько чистой любви къ людемъ умеръ, зъ
 любви котра такожь и на тыхъ негѣдникѣвъ-мучите-

лѣвъ розтягалася. Такъ статися мусѣло, бо инакше ани одинь чоловікъ не мѣгъ бы бувъ дѣстатися до неба, ани ты, ани я. Зѣ любви и къ намъ обомъ свое житѣе пострадавъ." Учувши тѣи слова хлопчина по першій разъ, не мѣгъ бѣтъ плачу здержатися, и слезы пустилися ему цюркомъ по румянѣмъ лицю, а отираючи слезы шкѣркою зѣ сарны, котру на собѣ мавъ, запытавъ: „Чи Сынъ божій остае теперъ еще въ небѣ?" „Такъ, любя дитино! Его тѣло вправдѣ було мертве, положене въ гробѣ, подѣбному до сеи печеры, и великою плытою привалено вхѣдъ до него. Но закимъ три дни минуло, выйшовъ зновъ живой изъ гроба. Мале число було прецѣнь побожныхъ людей, котрѣ Его послушали сердечно, они Его любили и Его оплаковали. О якже они возрадовалися, коли Его зновъ узрѣли! Онъ еще передъ своею смертію предповѣвъ имъ, що зновъ до свого Отца небесного поверне, тогды всѣ були тымъ засмутилися. Онъ потѣшаючи ихъ, сказавъ: Не плачте, и не припускайте смутку до сердець вашихъ, въ дому бо Отца моего обители многи суть, иду тымчасомъ уготувати вамъ мѣстце, дѣлайте волю пославшаго мя, а колись всѣ тамъ дѣстанетеся, где я есмь, узрю васъ зновъ, а тогды буде безконечная радѣсть, котрую никто бѣняти вамъ не зможе. По воскресенію своимъ являвся Онъ зновъ своимъ ученикамъ, мовячи: Хотя вы ученики мои, хотяй мене видѣти не будете, то однакожь всегда близкимъ васъ буду невидимо ажъ до кѣнця сего свѣта. Наконецъ поблагословивши ихъ, возносився передъ ихъ очима чимъ

разъ выше и выше до неба, ажъ доки облаки ясні передъ ихъ видомъ Его не закрыли.“ „Ото хорошо бути мусѣло! Но чи знае Онъ теперъ где-що о насъ, що мы ту въ тѣй пустынѣ жиємо, и чи его также колись въ небѣ видѣти будемо?“ „Такъ, люба дитино! Онъ насъ всюда видитъ, где лишъ знаходимося, всюда Онъ съ нами, любить насъ, тамъ подае сердцю нашому добрѣ гадки, помагае намъ, щобысьмо всегда добрыми були. Ты, люба дитинко, хоть у мене добрый, зъ чого велику маю утѣху, однакожь цѣлкомъ добрымъ ты еще не есь, бо коли лишъ трохи уважати будешъ, каждой хвильки тое на собѣ самѣмъ можешъ пѣзнати. Вотъ на пр. ты николи не бувбы того зробивъ, щобысь такъ якъ Сынъ божій молився за тыхъ людей, якбы тебе замордовати хотѣли, ты бо передъ хвилькою казавъ, щобысь всѣхъ бувъ поубивавъ, колибысь мавъ до того силу. Зъ того видишь, що еще не есь цѣлкомъ добрый, и не маешъ еще любви до людей якъ Сынъ божій. Такими якъ Онъ статися повиннисьмо и Отцу небесному и Ему самому приподобатися, если колись до неба дѣстатися хочемо, а щобы все тое осягнути, до чого Сынъ божій намъ хоче помогчи, то прѣйшовъ на сей свѣтъ, умеръ на крестѣ для нашего спасенія, и потѣмъ збѣславъ рѣвного собѣ *Духа святого*, о котрѣмъ пѣзнѣйше всего довѣдаешся. А теперъ Бенусю запевно уже понимаешъ, чому я сей крестикъ всегда въ руцѣ держу. Тожъ онъ пригадуе намъ любовь Того, котрый за насъ терпѣвъ и умеръ на крестѣ. Напоминае насъ, щобысьмо черезъ терпѣнїя и смерть,

котрї также тутъ *крестомъ* называемъ — до неба досталися. Тому то и сей знакъ для насъ такъ милый и дорогій. Ахъ! найдорожша дитинко“, сказала, звернувши свои очи къ небу, „не маю я ничего такого, щобымъ тобѣ на памятку оставила, окрѣмъ того деревця. Якъ я уже умру, выими его зъ тыхъ студеныхъ рукъ и сховай его. Не встыдайся, любя дитино, если колись будешь богатимъ чоловѣкомъ, сей убогій крестъ на найгѣднѣйшѣмъ мѣстци твого будущего помешканя умѣстити! Много разы на него тѣлько поглянешь, всегда собѣ пригадай о Тѣмъ, котрый колись зъ любви къ тобѣ на крестѣ умеръ, также о своей матери, котра держачи той крестикъ умерла. Зроби собѣ постановленье всегда жити по-божно безъ ніякои змазы и вины, людей любити, все добре имъ дѣлати, ба навѣтъ и житье за нихъ положити, колибы потреба того вымагала,—хотьбысь навѣтъ знавъ, що тобѣ за тое не подякують. А коли собѣ такое зробишь постановленье, и его выконаешь, спозираючи на той крестикъ, — тогды тая спадщина по твоей матери буде бѣльшой вартости, якъ цѣлї обширнї и богатї палаты, котрыхъ по своимъ ѣтцю сподѣватися можешь.“

Ѡтъ довгой мовы Геновефа такъ ослабла, що зновъ потѣмъ довго ѣтпочивала, ани слова не промовивши. По хвили ѣдозвалася: „Ахъ! кобысь лишъ щастливо повернувъ до ѣтця свого; дорога бо до него черезъ страшну пустыню, черезъ пустый и непроходимый лѣсъ, черезъ стрѣмкіи скалы и глубокїи пропасти буде для тебе, ѣдна и слаба дитинко, за

прикра, далека и небезпечна. Но Господь Богъ уже тобѣ допоможе станути передь своимъ ѳцемъ, которого ты тутъ на земли еще не видѣвъ, и которого Онъ тобѣ назначивъ. Онъ то намъ на семъ свѣтѣ черезъ найнебезпечнѣйшій дороги ходити приказуе, щобысьмо черезъ тое щастливыми сталися и его святое лице оглядали. На дорогу не забудь взяти собѣ молока, щобысь мавъ чимъ покрѣпитися, возьми также и тую галузь съ собою, щобысь передь дикою звѣриною мавъ чимъ боронитися. Бѣдна дитинко! вправдѣ ты до такой дороги слабый, но Богъ, пѣдъ Котрого опѣкою, я, слаба невѣста, убила пажерливого вовка, буде также и твоею обороною напротивъ дикихъ звѣрятъ. Кто въ Него уповае, той може бути певный що: *На аспіда и василиска наступиши, и попереши льва и змія*“.

Коли появилася вечѣрная зоря, возмоглася ей слабѣсть якъ наибѣльше. Такъ тяжко ѳтдыхала, що ажъ на ню горячій пѣтъ выступивъ. Собравши всѣ свои силы, усѣла на постели и съ жалоснымъ сердцемъ горячо промовила до хлопця: „Приклякни Бенусю, най ты еще разъ поблагословлю, якъ то здѣлала моя матеръ, коли я съ нею росходилася; чую бо, що уже конецъ моеи жизни не далекій“. Бѣдный хлопчина съ плачемъ приклякнувъ, спустивши свою побожну тварь до землѣ, руки же вознесши до неба. Геновефа положила свою руку на его кучеряву головку и жалѣстнымъ голосомъ воскликнула: „Най ты Богъ благословить, моя дитинко, Сынъ Его Іисусъ Христосъ най буде всегда съ тобою, а Духъ святой най ты провадить, щобысь збоставъ

добрымъ чоловѣкомъ—а николи, николи ничо злого не пополнивъ, а я щобы ты колись въ небѣ зновъ увидѣла“. Перекрестивши его крестикомъ, взяла его еще въ свои обнятія и зновъ отозвалася: „Бенусю, коли приѣдешь уже межи люди, и зліи примѣры ихъ увидишь, не приставай съ ними, и не станься также злымъ. А если колись свѣтло и въ богатствѣ жити будешь, не забудьже о своей матери! Бо коли бы ты мою любовь къ тобѣ—мои матерній слезы — и тѣ послѣдній слова — слова умеравшой матери забудь, о запевно бувбысь тогда на другомъ свѣтѣ отъ мене отлученый. Будьже про-тое добрымъ, моя дитинко!“

Не змогла дальше говорити, назадъ на свое лѣшко упала—очи замкнула — а Бенусь не зная, чи она спить, чи такъ поправдѣ умерла.—Клячавъ при ней съ плачемъ и молився безперестанно: О Боже! не дай моей дорогѣй матери умерти! О, Иисусе Христе, воскреси мою мать!

Графъ Сигфридъ жалуе своей супруги Геновефы.

Коли графъ Сигфридъ на скаргу Голя въ гнѣвномъ нападѣ, несчастный приказъ на смерть на Геновефу пѣдписавъ и одославъ, бувъ зраненый въ вѣйнѣ кулею, зъ причины котрой слабый лежавъ. Его старый товаришь конюшій, именемъ Волрадъ, саме тогда отъ обозу бувъ о вѣлька миль отдаленый,

где забезпечавъ кѣнищею одну тѣснину гѣрску ътъ напада непріятельскаго. Коли повернувъ зъ своего становища, и прійшовъ до своего господина, довѣдатися о его здоровлю, оповѣвъ ему графъ все тое, що тымъ часомъ дома случилось. Учувши тое, старый воинъ ажъ поблѣдъ зъ перестрахи и сказавъ: „ Милосердный пане, щожь вы теперь зробили? Ваша супруга истинно невинна, за що бы я моею сивою головою заручити мѣгъ. Така побожна душа, такъ добре вихована дочь, не такъ легко попеуеся. Вѣрьте менѣ, бо я то знаю зъ досвѣдченя, що вашъ Гольо есть розпустный чоловікъ, перебачте тое слово старому слузѣ! Знаю я тое, що бнѣ своимъ пѣдхлѣбствомъ далеко въ ваше сердце закрався. Повѣрте и тое, що чоловікъ, котрый васъ всегда хвалить и на все пристае, той есть вашимъ непріателемъ, бо въ своимъ серци гордитъ вами, а тѣлько своей шукае користи. А кто вамъ всегда правду каже, котрой вы съ неохотою слухаете, той есть вашимъ пріателемъ. Послушайте мене про-тое милосердный господине, а свѣй нерозсудный приказъ сейчасъ ѡткличте. — О Боже! якъ далеко уже дѣйшло съ моимъ честнымъ господиномъ! Вы, що и найгѣршому переступнику зъ вашихъ пѣдданныхъ, безъ переконаня вашего ничего злого не позволяли есте учинити, а теперь свою добру и побожну супругу безъ всякаго переслуханя на смерть выдали есте; станьте прецѣнь паномъ вашою нерозсудною загорѣлости, вы бо всегда ей боялись есте пѣддати, а теперь, здаемися, велике нещастье зробилося.“

Графъ признавъ ему, що съ наказомъ за надто поспѣшився, однакожь вагався еще, кто виненъ, чи супруга его, Геновефа, чи Гольо, его любимецъ. Листъ бо Голя такъ хитро бувъ уложеный, ба и пѣсланецъ, котрого Гольо съ листомъ бувъ выславъ, такъ бувъ выученый ошуканьствомъ, и все умѣвъ правдою довести и потвердити, що заздрѣсного графа цѣлкомъ заслѣпили. Такъ отже еще той самой години выправивъ другого пѣсланця до Голья съ наказомъ, щобы Геновефу въ еѣ свѣтлицы задержавъ ажъ доки ђнъ зъ вѣины не поверне, а при тѣмъ щобы ей ничего злого не робивъ. Пѣсланцеви своего наилучшого коня доручивъ, и заклинавъ его на душу и тѣло, щобы спѣшивъ, що можъ, якъ найскорше, за що обѣцявъ ему значну суму золота, если въ свѣй часъ доспѣе до замку, и принесе ему благополучную ѡтповѣдь. Коли пѣсланецъ ѡтѣхавъ, графови приходили всякѣ гадки до головы. Одной години здавалося ему, що Геновефа есть невинно оскаржена, другой зновъ судивъ, щобы Гольо, котрому ђнъ много доброго высвѣдчивъ, мѡгъ его жену такъ безлично оклеветати,—и такъ невинность и сумлѣнье ранили его сердце безпрестанно. По десять разъ денне выславъ своего конюшого придивлятися, чи уже пѣсланецъ не вертае — ба и цѣлыми ночами сонъ его не брався. Наконецъ повернувъ пѣсланецъ съ такою ѡтповѣдею: що Геновефу съ еѣ дитиною на розказъ графа въ ночи замордовано. Тогда то здавалося графови, що на него самого спавъ наказъ смерти, и тяжкѣй жалъ огорнувъ его сердце.

Розжаленый ольрадъВ выйшовъ, сердечно розплакавшись, а кбниця графа, котра вся въ той часъ коло него згромадилася, приклякла и заприсягла, що коли до дому поверне, Голья на кавалки посѣче. Довше якъ рбкъ хоровавъ графъ на рану, бо червакъ, котрый его сумлѣнье грызъ, опбзнявъ ему выздоровленье. А якъ лишь поздоровѣвъ, просився о увблненіе, понеже Маврбвъ на голову було побито*) и нїякого ббльше небезпеченства бтъ нихъ не боялися. Король его увблнивъ. Тогды графъ съ своимъ конюшимъ и охочими воинами вирушивъ, и до милои бтъчины кбнно чимъ скорше спѣшивъ; ажъ доспѣвъ до першого свого графского села пбзно въ вечеръ такъ, що уже було цѣлкомъ темно. Честнї жителѣ того села—мужчины, жѣнки и дѣти повывбгали зъ своихъ хатъ, голосно плачучи и рыдаючи: „О достойнѣйшїй и ласкавый пане! Великое нещастье! Ахъ! честна наша графиня! Ахъ, безбожный Гольо!“ Графъ злѣзъ зъ коня, всѣхъ мило поздоровивъ, подавъ старшимъ руку, и выпытовався о всѣмъ, що пбдчасъ его неприсутствїя въ дома дѣялося? Тутъ оказались на сторону Геновефы самї похвалы; а о Голью ничего доброго не учувъ. Съ смуткомъ и съ зболѣлымъ сердцемъ бтъѣхавъ дальше, щобы еще той самой ночи до замку заѣхати. Зъ далека уже увидѣвъ освѣтленї бкна замку. Коли сближився, и на гору замкову выѣзжавъ,

*) Пбдъ Торунемъ (Торгъ) черезъ Кароля Мартеля 732 года по Рождествѣ Христовбмъ.

учувъ гучную музыку, бо власне Гольо съ своими гостями забавлявся, будучи той певной надѣѣ, що графъ на тяжку рану умре. Для того уважавъ себе бути уже паномъ цѣлого графства, и всякѣ балъ и забавы справлявъ, щобы тымъ свое несупокбѣне сумлѣнье притлумити. Пѣсля своего звичаю всегда на першомъ мѣстци межи гостями сѣдавъ, а слуги графа, розносячѣ стравы, шептали одинъ до другого: „Будешъ бачити, що коли нашъ честный графъ умре, то хитрый Гольо въ тыхъ неспокобѣныхъ часахъ того докаже, що буде еще нашимъ паномъ — однакожъ не хотѣвъ бы я бути на его мѣстци; вотъ дивися якъ страшно онъ выглядаетъ.“ „Добре кажешъ,“ ѓтозався другѣй, „не мае онъ справедливой веселости и ничъ ему не смакуе, бо такъ сидитъ якъбы якѣй переступникъ при послѣдной уже вечеры. О, не хотѣвъбы я бути въ его шкѣрѣ, и заплатою тою съ нимъ дѣлитися, котра его жде на тамтѣмъ свѣтѣ!..“

Графъ съ своими воинами ставъ у брамѣ, розказавъ трубачеви трубѣти на знакъ, що онъ уже приѣхавъ. Сторожъ зъ вежи своею трубкою ему ѓтповѣвъ. Гольо и всѣ его гостѣ посхаплялися зъ крѣсель, а голосъ „графъ! графъ!“ розлягався по цѣломъ замку. Гольо, котрый скорше смерти якъ графа сподѣвався, поспѣшивъ на долину и графови коня покорненько придержавъ. Графъ не промовивши ни слова, споглянувъ гнѣвно на Голья, а той поблѣдши дрожавъ якъ зброднярь передъ своимъ судѣю, бо его зла совѣсть выразно зъ очей выглядала,

а зъ лица можна було вычитати, що бнѣ бувъ причиною цѣлого нещастливого приключенія. Ступаючи мовъ по грудѣ передъ своимъ графомъ крутими ишовъ сходами до горы, а его трясулася рука заледво держала походню. Якъ лишъ графъ до свѣтлицѣ вступивъ, сейчасъ уарѣвъ велику неопрятнѣсть, нечистоту и непорядокъ: всюда впадали ему въ очи незнаѣмї особы, котри були перестрашенї; тѣлько маленькое число вѣрныхъ слугъ вытали его съ заплакаными очима. Ввѣйшовши дальше до обширной салѣ лицарской, зложивъ свою зброю на столѣ и зажелавъ всѣ ключѣ ѳтъ Голя, и сейчасъ поручивъ вѣрному Вольрадови браму добре замкнути, щобы никто не ѳтдалився зъ замку; слугамъ же наказавъ струдженихъ своихъ воинѳвъ добре погостити, почѣмъ кивнувъ рукою, щобы побѣходили. Теперъ удався по першїй разѣ до покою своеи жѣнки, котрый ѳтъ хвилѣ ея арештованя бувъ замкнений, а Гольо пораженї злою совѣстїю не вступавъ до него николи. Въ покою все еще такъ графъ заставъ, якъ було того поранка, коли Геневефа его оставила. Були тамъ еще кросна, въ котрыхъ находився троха не окѣченїй, перлами украшенї лавровый вѣнецъ, на котрѣмъ находилася слѣдуюча надпись: *„Сигфридови и повертаючому воеводѣ, его вѣрна супруга Геневефа.“* Лежавъ также и клярнетъ на книжцѣ съ побожными пѣснями, межи котрыми находилися и такї, що сама она уложила, зъ причины ѳтѣзда своего мужа. Знайшовъ также кѣлька переписѳвъ листовыхъ, писанихъ до него, мѣстячихъ въ собѣ самї побожнї и

вѣрній слова, выражающій любовь и вѣрность къ нему, а зъ котрыхъ ани одного письма не дѣставъ. Геновефа писала въ нихъ, якъ она щоденно молится до Господа Бога, щобы его зъ поля вѣины здороваго и непокалѣченнаго припрывадивъ до дому; та якъ она уже тѣшится, коли лишь вспѣмне собѣ хвильку, въ котрѣй напротивъ него съ сынкомъ своимъ або дочечкою на рукахъ выйде; якъ она за нимъ журится и слезы проливае, и много безсонныхъ ночей еѣ улѣтае. Але Гольо нѣякого зъ тыхъ листѣвъ до графа невысылавъ, а листы бѣтъ графа до неи писані у себе задержовавъ.

Перестрашенный графъ съ заложеными руками и болестнымъ сердцемъ еще около пѣвночи сидѣвъ, не спостерегши навѣтъ, що свѣчка уже догаряла. Въ тѣмъ входитъ вѣрна дѣвчина, принесши съ собою письмо, котре Геновефа въ вязници написала, и показуючи ему шнурокъ перель, котрѣй графъ всейчасъ пѣзнавъ, а дѣвчина зачала съ слезами въ очахъ ему розказовати все: якъ Геновефа ей въ слабости помагала; що той ночи, коли на смерть мала бути выпрывадженою, ей сказала, и все, що лишь о ней памятала, графови оповѣдала. Ажъ теперъ огорнула страшна болѣзнь графа, и слезы потекли зъ очей. Все оповѣданя дѣвчины, особливо листъ Геновефы до него писаный, бувъ очивиднымъ доказомъ еи невинности. Почавъ такъ сильно плакати, що ничого не розумѣвъ, а цѣле письмо Геновефы скропивъ слезами, и непрерывно говоривъ: „О Боже! Боже — о Геновефо! — и тебе-жь то, тебе наказавъ я погубити,

тебе и моего сына! О, щожь я теперь почну най-нещастлившій межи всіми людьми?“ Вѣрній конюшій, учувши его нарѣканья, прійшовъ до свѣтлицъ и потѣшавъ его, но все то було надаремно.

Ревно плакавъ графъ черезъ довшій часъ, ажъ нарештѣ схопившись зажелавъ меча, хотячи Голя пробити. Задержуючи его конюшій, представивъ ему, що Голя безъ переслуханя не выпадає погубити. На тоє казавъ графъ всеічасъ Голья въ кайданы оковати, и до той самой вязницѣ замкнути, въ котрѣй Геновефа такъ довго пересиджовала; а заразомъ и всѣхъ, котрѣ съ Гольомъ держали, ажъ до дальшого роспорядженя наказавъ увязнити. Воины съ охотою тоє сдѣлали. На другій день казавъ графъ передъ себе Голя приставити, а закимъ его привели, перечитавъ графъ еще разъ листъ Геновефы. Слова написані: „Прости ему, якъ и я ему простила, щобы зъ моеи причины ани одна капля крови не потекла“ глубоко тронули сердце графа. Коли Голя привели, графъ вдивившись милосердно на него съ заплакаными очима, промовивъ лагѣдно: „Голью! щожь я тобѣ виненъ, щось той смутокъ спровадивъ на мою голову? Щожь тобѣ моя сузруга, и невинный маленъкій мой сынъ завинили, щось ихъ замордовати хотѣвъ? Прійшовъ ты яко бѣдный хлопчина до сего замку, зазнавъ ты тутъ всего добра—по щожь такъ ѳвдячуешься?“ Гольо думавъ собѣ, що графъ буде шалено съ нимъ обходитися; а та несподѣвана лагѣднѣсть съ стороны графа такъ подѣйствовала, що упавши графови до нѣгъ, почавъ голосно плакати и нарѣкати: „Ахъ нещастлива

гадка заслѣпила мене! Твоя супруга, графе, такъ невинна якъ ангелы въ небѣ, то я, той дѣвольтъ, котрый еѣ пѣдмовити желавъ. Коли пѣдмовитися не дала, задумавъ я ѣтмститися надъ нею, но хотѣвъ я заразомъ и свое житье охоронити; знавъ бо я, що если вамъ правду скажу, всейчасъ мене розкажете погубити. Для того я попередивъ еѣ, оскаржаючи ю фалшиво передъ вами.“

Графови полекшало трохи принаймнѣй тымъ на серци, що Гольо самый посвѣдчивъ невинностъ Геневефы. Въ тѣмъ давъ знакъ рукою, щобы его назадъ до вязницѣ ѣтпровадити, почѣмъ закрывъ свое лице бѣлою хустиною, наплакався до волѣ, страшно жалуючи, що такъ нерозсудно наказавъ Геневефѣ житье ѣдобрати.

Ѣтъ того часу такъ графъ всегда сумувавъ, що навѣтъ боялися, щобы собѣ житье не ѣтобравъ, бо часомъ великѣй жалъ до задуру его приводивъ. Близкѣй лицарѣ, яко щирѣй его прѣятелѣ, сходилися часто и потѣшали его. Но графъ не чувствовавъ нѣякои потѣхи, лишъ всегда задуманный сидѣвъ въ свѣтлицѣ Геневефы, и нягде не ѣтходивъ, тѣлько до своей замковой капицѣ. Его найбѣльша старанностъ була тая, щобы вышукати грѣбъ Геневефы, гдебы мѣгъ все плакати, а заразомъ щобы еѣ тѣло съ приналежною честію казавъ похоронити. Однакы никто грѣбу не мѣгъ вышукати, бо тотѣ два мужи, котрѣ еѣ на смерть выпроваджали, скоро потому гдесъ подѣлися и нѣякои чуткѣ о нихъ не було. Рѣкъ рѣчно графъ въ церквѣ Сигфридсбургскѣй обходивъ

урочисту рѣчицю ея смерти. Графъ съ своими слугами, лицарями въ цѣлон окрестности съ ихъ жѣнками присутствовавъ тому торжеству въ найглубшій жалобъ, якъ и множество людей було собранихъ, що церковь заледво десяту часть ихъ въ собѣ помѣстила. Также наказавъ графъ великѣ дары помежи убогихъ роздати; а своей супрузѣ въ церквѣ хорошій памятникъ съ золотою надписію выставити розказавъ, котрая то надпись о сумной исторіи Геновефы будущимъ поколѣнямъ мала свѣдчити.

Графъ Сигфридъ находитъ свою супругу Геновефу.

Кѣлька лѣтъ минуло, якъ графъ не дався ніякъ намовити, щобы где для розрывки выйшовъ зъ своего замку. Одного часу всѣ лицарѣ, слуги, ба и вѣрный Вольрадъ зачали всякихъ способѣвъ добирати, щобы графа хоть троха розвеселити. Такъ одинъ справлявъ шумный балъ, на котрѣмъ славный арфиста пригрававъ, и потѣшающіи пѣсни спѣвавъ; другій якісь лицарскіи забавы, на котрыхъ стрѣляли до цѣли; то зновъ третій на ловы его запросивъ, а тая послѣдна розрывка, котру графъ зъ молодости любивъ, найспособнѣйша видѣлася его тугу розбгнати. Порозумѣвши тое лицарѣ, ходили дуже часто на ловы, особенно на сарны и вепры дикіи, то зновъ на вовки и медведѣ, котрыхъ

тогда въ Нѣмеччинѣ было множество; та разъ на-
 мовивъ Вольрадъ и графа, котрый послухавши его,
 справивъ дуже великѣ ловы, на котрѣ всѣхъ око-
 личныхъ лицарѣвъ запросивъ. Дѣялося тое при
 кѣнці зимы, и наиблизшій погѣднй день, въ ко-
 трѣмъ свѣжій снѣгъ спостерегчи можнабы, бувъ до
 того назначеный. Надѣйшовъ той день и досвѣта
 графъ съ околичными лицарями и толпою слугъ
 выѣхали. Всѣ ѣхали на коняхъ, та и множество еще
 людей ишли съ кѣньми, на котрыхъ напаковано всего,
 що до тыхъ ловѣвъ было потреба. Стрѣлецкѣ трубы
 своимъ голосомъ наполнили весело лѣсъ, а множе-
 ство сарнѣ и всякои дичины побито; и графъ спо-
 стерѣгъ одно звѣрятко, за котрымъ на вздогѣнѣ
 конемъ пѣгнавъ. Звѣрятко утѣкало черезъ стрѣмкѣ
 скалы, черезъ тернье и корчи — наконецъ скры-
 лося въ пещери Геневефы, а то була вѣрна ланя,
 котрой молокомъ Геневефа съ своимъ дитяткомъ
 такъ довго живилася. Графъ злѣзъ зъ коня, котрого,
 припнявъ до ялицѣ, и слѣдомъ звѣрятка идучи,
 прѣйшовъ къ пещерѣ. Заглянувши тамъ, съ удивле-
 ніемъ узрѣвъ въ глубинѣ темной пещеры нужденне,
 людске существо, съ тварею блѣдшою ѣтъ трупа.
 Була то Геневефа, котра вправдѣ свою слаббсть
 перебула, однакожь така була мѣзерна и ослаблена,
 що на тѣй пустыни уже николи булабы до здоро-
 вля не прѣйшла, и кождою хвилѣ смерти сподѣвалася.
 „Еслись чоловікъ,“ закричавъ графъ, „то выйди на
 сонце!“ Геневефа выйшла, обвинена шѣбркою ове-
 чою, плечи ея були довгимъ волосемъ покрытѣ,

руки и ноги голі, дрожала бѣ морозу, и блѣда якъ умирающа. „Кто ты?“ запытавъ перестрашенный графъ, поступившия о кѣлька кроковъ назадъ, „и якимъ же способомъ ты сюда прійшла?“ Сигфридъ еѣ не пѣзнавъ, она же его на першій видъ пѣзнала. „Сигфриде,“ бѣдозвалася слабымъ голосомъ, „я твоя супруга, Геновефа, котру ты на смерть засудивъ, но Богъ свѣдомый, що я невинна.“ Графови здавалося, якобы коло него грѣмъ ударивъ; не знавъ бо, чи то въ снѣ, чи на явѣ дѣсея, бо зъ великого смутку навѣтъ память неразъ тративъ, та и теперъ въ тѣмъ глибокомъ лѣсѣ, бѣдаленый бѣ своихъ людей знаходячися, думавъ що видить душу Геновефы. Тогда бѣдозвався голосомъ жалостнымъ: „О, душе моеи супруги! Чого ты повернула сюда, може скаржишь мене о кровь невинно пролятую? Чи може учинокъ замордованя на тѣмъ ту мѣстци бувъ поповнений, и въ тѣй печерѣ твое тѣло похоронено? Певно що тутъ и твое тѣло взрушилося въ гробѣ, що я поступивъ на тое мѣстце, котре твосою кровію я скропивъ, та твоя душа являеся загибвана, що твѣй убійця приближився къ твому супокѣйному гробу? О вернися, верни, благословенная душе, бо мое сумлѣнье уже досыть мене непокоить. Поверни до твого гробу и молися за мене, за нужденнымъ мужемъ, котрый уже на земли нѣякого не мае супокою! Не показуйся менѣ такъ жалѣбно, но покажися менѣ яко веселый ангель и скажи, що простишь менѣ мое преступленіе.“

„Сигфриде,“ сказала Геновефа съ слезами въ

очахъ, „найдорожшій мѣй мужу! не есмь ніякимъ духомъ, но истинною твоею Геновефою, твоею супругою. Жію до теперъ еще, бо тоті добрі люди, котрі мене мали стратити, даровали менѣ житье!“ Графъ еще и теперъ остававъ въ страху и задивленію безъ памяти. Ему темнѣло въ очахъ и не чувъ ей бесѣды. А вдивившия въ ню, думавъ еще, що видитъ душу Геновефы. Геновефа взяла его съ примиленіемъ за руку, но графъ вырвавши еѣ, закричавъ дрожащимъ голосомъ: „О, пусти мене, пусти, бо твоя рука зимна якъ лѣдъ; або потягни мене зимною рукою до гробу твого, бо мое житье тутъ лишъ тягаромъ на свѣтѣ, а смерть булабы для мене великимъ добродѣтельствомъ.“ Геновефа еще разъ бдозвалася: „Сигфриде, любезный мѣй мужу!“ и мило мовъ ангель споглядаючи на него — „чи не пѣзнаешъ уже твоеи супруги? Вотъ, придивися лишъ добре на мене; возьми мене за руку. Ту перстень на моимъ палци, котрый еще маю бѣтъ тебе; для того опамятайся! О Боже! увѣльни его бѣтъ того страшного обманенія!“ Наконецъ порозумѣвъ графъ и обудився якбы зъ глубокого сна. Геновефа запровадила его въ печеру, бо не могла въ снѣгу довше босыми ногами стояти. „О любезнѣйшая супруго, теперъ ажъ тебе я пѣзнавъ!“ сказавъ графъ съ сокрушеннымъ сердцемъ. Его очи довго дивилися на еѣ нужденну тварь, и довго слова промовити не мѣгъ. Въ кѣнци слезы пустилися ему потокомъ зъ очей. „Ты моя супруго остаешъ въ сей нуждѣ, а тѣлько черезъ мене въ тую нужду бѣдана! Негѣдный я

уже, щобы мене земля ббльше носила. Я не смѣю очи мои до тебе пбднести. Ахъ! чи можешь менѣ прости́ти?"

Геновефа съ плачемъ сказала: „Любезнѣйшій Сигфриде! я николи на тебе не гнѣвалася! Всегда тебе я любила, бо знала я, що тебе страшно ошукано. О ходи, ходи въ мои обнятія! Вотъ плачу зъ утѣхи, що тебе зновъ виджу!“ Графъ ажъ теперѣ отважився подивитися на ню, въ тѣмъ бдозвався: „Ты, мила подруго, не гнѣваєшься на мене? Ты менѣ навѣтъ марного слбвця не кажешь? О, ангеле небесный, лагбдна душе, що я здѣлавъ, що тебе — тебе — такъ страшно образивъ!“ Геновефа бтповѣла: „Будь же супокбйнымъ Сигфриде! Уважай все случившоеся за допустъ божій, зъ Котрого вольтое дѣялося. Для мене було добре, що дбсталамся до сєи пуши, бо богатства и слава, булибы мене може попсовали, а тутъ на пуши найшламъ Бога и небо.“

На тую бесѣду надбйшовъ и Бенусъ, котрый одѣтый бувъ лишь въ шкбрку, и босыми ногами бродивъ въ снѣгу, котрого еще много було на тбй долинь межи скалами. Пбдъ пахою нѣсь кблька свѣжихъ рослинъ, збрваныхъ при жерель, а зъ котрыхъ еще вода капала, а въ руцѣ державъ корѣнець, котрого обгрызавъ. Увидѣвши графа въ лицарскбмъ одѣню, съ високо сїяющею китицею на шеломѣ, перепудився хлопчина, ставъ, и закричавъ голосно: „Мамо, кто се такій? Чи то также одинъ зъ тыхъ людей безбожныхъ, та хоче насъ замор-

довати? Не плачь мамо, я тобѣ не дамъ ничего злого здѣлати; скорше нехай мене убье, якъ тобѣ мавъ бы що злого учинити.“ На тое бѣдозвалася лагѣдно Геновефа: „О любезный сыну! Не бѣйся его, подивися лишь на него и поцѣлуй его въ руку, бѣвъ ничего тобѣ злого не зрѣбитъ. Онъ есть твоимъ любимымъ, честнымъ отцемъ. Вотъ, якъ плаче надъ нашою долею! Богъ его сюда приславъ, щобы насъ зъ-бѣтси выпровадивъ и до дому забравъ.“

Хлопецъ обернувшись поглянувъ на него; а уже бувъ хорошій хлопакъ съ чорнымъ кучерявымъ волосемъ, и со всѣмъ бувъ до графа подѣбный, котрый увидѣвши его такого хорошого, въ нужденнѣмъ одѣню, заплакавъ еще сильнѣйше, а взявши хлопца на руки промавлявъ: „О дитинко моя любима,“ и сокрушено споздравъ въ небо, другою же рукою обнявъ Геновефу и зъ глубины душевной бѣдозавая: „О Боже! ажъ надто потѣшивъ Ты теперь мене, тутъ моя супруга, тутъ моя дорога дитина, котру теперь першій разъ виджу, а моя мила супруга, якбы зъ гробу повернула.“ Геновефа также зложила руки, и пѣднесши побожно очи въ небу промовила: „Ты Боже милосердный зъумѣвъ къльвалѣтній мои терпѣнія надгородити, за тое най буде Тобѣ слава!“ А хлопчина увидѣвши родичей своихъ такъ молячихся горячо, пѣднѣсь тоже свои рученята къ небу, повторяючи слова за матерью: „Боже добрый! Най буде Тобѣ подяка!“ Потому всѣ трое довго еще мовчали, а ихъ сердца такою радостію къ Богу були переполнені, котру языкъ описати не може.

Наконецъ розпытовалася Геновефа: „Чи жіють еще мои родичи? Чи добре имъ въ старости поведется? Чи знаютъ они, що я невинна? Бо уже сѣмъ лѣтъ минае, якъ они мене за умершу оплчкують, та бѣтъ коли я бѣтъ нихъ ничего не чула.“ Графъ розказавъ: „що жіють, суть здорові и знаютъ о твоей невинности. И въ тѣй хвилѣ вышлю пбсланця до твоихъ родичей съ веселою новиною, що ты бѣтшуканою збѣтала.“ Геновефа зложила зновъ побожно свои руки, и сердечно промовила: „Боже, дякую Тебѣ, щось выслухавъ мою молитву и желанія моего сердца исполнивъ-есть. Ты вернувъ менѣ мужа зъ вѣйны, Ты бѣткрывъ мою невинность, Ты выбавивъ мене зъ терпѣній, зъ вязницѣ и смерти, а еще позволь менѣ оглядати моихъ старенькихъ родичей, бо Ты самый добрый и милосердный.“

Теперь обзиравъ графъ хророваті стѣны нискои печеры и еи нужденнй начиня: крестикъ, мохомъ оброслый и камень передъ нимъ, выглаженный колѣнами Геновефы; лѣжка зъ моху и кѣлька мисочокъ и шкляннокъ зъ гарбузѣвъ и кошикѣвъ зъ сѣтнику. Почѣмъ усѣвши коло Геновефы, взявъ хлопчину на колѣна, а поглянувши бѣтворомъ на голі скалы и чорнй ялицѣ еще снѣгомъ прикрытй, запытавъ съ слезами въ очахъ: „О Геновефо! якимъ чудомъ тебе Господь на сей пуци утримавъ? Чи тобѣ Господь зъ неба ангела зславъ, котрый тебе кормивъ? Ахъ! черезъ сѣмъ лѣтъ, безъ вусника хлѣба, безъ огню пѣдчасъ зимы, безъ постелѣ, безъ належной одежи, босо, въ глубокѣмъ

лѣсъ, дочка князя, котра зъ сѣбрного и золотого начиня ѣла, що въ шовкахъ и атласахъ взрослоа, що може и острый вѣтеръ не довшавъ; однакожь все тое менѣ ты простила и любишь мене добрая су-руго! О нема на свѣтѣ, якъ добрый чоловѣкъ!“

Геновефа усмѣхаючися перервала ему бесѣду словами: „Успокойся, та уже и слова о томъ не вспоминай, любезный мужу! Богъ знае, що я на сей пущи и много потѣхи мала, бо чижъ то и въ палатахъ нема терпѣнїи? А чижъ ты меньше бѣ мене терпѣвъ. Оставъ тое все,“ а хотѣвши его бесѣду на що иншого перевести, сказала: „подивися на твого сынка, що его личка якъ рожки румянїи. При ску-пѣмъ поживленїю и на свѣжѣмъ воздухѣ здоровый и скоро взростаъ; въ замку нашѣмъ бувбы може зробився деликатный, блѣдо и нужденно при томъ выглядавъ, якъ кождїи дѣти богатыхъ родичей. Для того будь веселый и подякуй Богу!“ И оповѣдала теперъ якъ чудно одержувавъ ей Богъ съ дитиною бѣ той хвилѣ, коли ланя першїи разъ до пещеры прїишла, ажъ до теперъ, коли бѣдне тое звѣратко графомъ перепуджене шукало охороны. Графъ прилѣжно слухавъ, а наконецъ сказавъ: „Велїи Господь въ чудахъ своихъ, и неизмѣренно богатый въ дѣла спасительнїи для людей! Николи не забувай тоемѣи сынку, що коли ты еще дитинкою бувъ, отецъ бѣтрѣкъся тебе, матеръ твоя съ тобою булабы погибла, а Господь выбавивъ васъ черезъ тое звѣратко бѣ смерти. Коли нїякїи уста людскїи не могли менѣ ознайти недолу вашу, тое бѣдне

авѣрятко показало менѣ дорогу до сего вашего помешканя. Такъ часомъ легко и такъ чудно нашъ Отецъ небесный удѣляе свои помочи. Уповайже, оынку на Него черезъ цѣле твое житья!“

Геновефа въѣзжае до Сигфридсбургу.

Графъ съ Геновефою и сыномъ вышли зъ пещеры, а всѣмъ еще слезы бльщали въ очахъ. Графъ, хотѣвши своихъ людей скликати, затрубивъ въ серебряну трубку, що ажъ ѳгомонъ въ скалахъ по кблька разы ѳбывався. Хлопчина учувши тое, по першій разъ въ своимъ житю чрезмѣрно утѣшився, а взявши трубку, приложивъ до своихъ усточокъ, хотѣвши также затрубити, добрая же матеръ помимо слезъ въ очахъ усмѣхалася зъ того. На той ѳгомонъ лицарѣ и слуги графа зъ всѣхъ сторонъ кѳнно и пѣшо прибули. Всѣ здивовалися надъ блѣдою и нужденною невѣстою, котру графъ за руку державъ, также надъ пристойнымъ хлопчикомъ, котрого графъ державъ на рукахъ. Всѣ зъ цѣкавости тиснулися до нихъ, и съ пошанованьемъ поставали на около, бо видѣли, що графъ, невѣста и дитина були заплаканѣ. На то ѳдозвався графъ взрушенымъ голосомъ: „Достойнѣй лицарѣ и вѣрнѣй мои слуги! Вотъ моя Геновефа, моя супруга, вотъ и мѣй сынъ именовъ Бенусъ!“ Учувши тѣи слова, всѣ здивовавшися голосно вопрошали одинъ тое, другѣй що иншого, и тысячнѣ

розличній клики и пытања мѣшались. „О Боже небесный! Щожь наша милосердна графина? Чи еѣ еще не стратили? Чи она воскресла изъ мертвыхъ? О, то не може бути, но прецѣнь то она. Ахъ Боже! Яка нужденна, та и нашъ любый наслѣдникъ, якій пристойный хлопчикъ!“ И ледво зъ радости, ба и смутку надъ ихъ бувшою недолею перестали пытатися и кричати и голосно радоватися.

Графъ оновѣвъ имъ коротко всю ѳтбуту исторію, всейчасъ двоухъ вѣздцѣвъ мусѣли спѣшити до замку, щобы принести для Геневефы еѣ сукнѣ, та щобы всякѣй приготавя для неи тамъ сдѣлаги. Другимъ же слугамъ наказавъ съ мулами поприходити, и пѳдъ скалою на устроеномъ до того мѣстци, красный обѣдець справити, где розложили великѣй огонь, а графъ самый по-пѳдъ скалою скатерты (обрусы) самъ розстеливъ; свою супругу въ власный кожухъ обвинувъ и велику хустку на годову еѣ подавъ, почѳмъ и самъ усѣвъ на роспростертѳмъ коверци. Лицарѣ ей знаѣмѣ приходили одинъ по другѳмъ и съ великою честію еѣ поздоровляли, обявляючи ей свѳй жаль и радѳсть, а зъ межи слугъ приступивъ першѣй Вольрадѣ, котрый ледви дѳждався, закимъ лицарѣ привитають графиню. Приступивши къ ней, сказавъ: „Ласкава госпоже! тѣшуся, що Мавры мою сиву голову не розтрѣскали, и що я тую борьбу щастливо перебувъ. Теперъ хочу охотно умерти! бо еще дѳждався я видѣти свою владѣтельку.“ Почѳмъ взявъ хлопця на руки, поцѣловавъ его въ обѣ личка и сказавъ: „Витаю тебе

дорога дитинко! Ты правдивый образъ твоего отца, протое будь охочимъ и отважнымъ якъ твоѣй отецъ, такъ лагбднымъ и добродѣтельнымъ якъ твоя мати, а побожнымъ и добрымъ якъ они обое.“

Бенусъ зъ початку бувъ несмѣливый и боязливый передъ множествомъ собранихъ людей, межи котрыми несподѣвано находився. Но поволи стався смѣлѣйшимъ и бесѣдливымъ. Увидѣвши по першій разъ множество новыхъ рѣчей, всегда мазъ щось выпытоватися — и всѣ — особливо вѣрный Вольрадъ тѣшилися зъ вопросовъ и уваги жвавого хлопчика, котрѣ вправдѣ имъ смѣшно выдавалися. Найбѣльше дивовався хлопчина зъ початку надъ верхѣвцами. Ему такъ здавалося, якбы кѣнь и вѣдець були однимъ тѣломъ; для того пытався: „Тату! чи суть также люди, котрѣ ходять на чотырохъ ногахъ?“ Коли лицаръ позлазили зъ коней и ему одного привели запытався: „Тату, где ты тотѣ звѣрята зловивъ? Тутъ у нашѣмъ лѣсѣ такихъ нема.“ Коли коневи лучше приглянувся, и золотѣй зубела на нѣмъ спостерѣгъ, закричавъ: „Тату! чи тѣ звѣрята ржуть золото и серебро?“ Коли увидѣвъ огонь въ горѣ палающій, запытався: „Мамо! чи люди блискавицѣ зъ неба спровадили, або чи тое имъ Богъ даровавъ? О то хорошій даръ небесный. Колибы мы були о тѣмъ знали, булибы и мы Бога просили о той огонь. Онъ бувбы намъ сеи зимы придався!“ При обѣдѣ, найбѣльше дивовався овощамъ розличнымъ, котрѣ заразъ почавъ оглядати и запытавъ: „Тату! чи у тебе нема зимы, що такѣ хорошѣ

овоци приносишь? О заповно у тебе добре мешкати?“ Ледви поважився покушати тыхъ овощей. Потѣмъ приглядався флящѣ и пытався, чи она не розтопится, бо заповно зъ леду зроблена? Коли слуга положивъ передъ нимъ сѣвѣрный тарель, котрый блищавъ якъ зеркало, и бнѣ себе въ вѣмъ узрѣвъ, перелякся, и посягнувъ рукою пѣдъ тарель, хочачи хлопця того дотулитися. Тое здавалося ему бути непонятнымъ, а наибѣльше дивовало его тое, що коли усмѣхався, хлопчина и той также усмѣхався. Зъ того всѣ гостѣ велику мали утѣху; а о скѣлько зъ першу слезъ проляно, тѣлько теперъ отця и матеръ, лицарѣвъ и слугъ потѣшено.

Еще не скѣнчився обѣдъ, а уже верховецъ повернувъ съ сукнями для Геневефы. Геневефа вѣйшла до печеры, помолилася сердечно Богу — почѣмъ одягнулася якъ для графинѣ пристойтъ; вѣйшла съ деревянымъ крестикомъ, котрого на вѣчну памятку съ собою взяла. Подчасъ обѣду слуги зрѣбили зъ ялицъ ноши, котрѣ самый графъ застеливши коверцемъ, Геневефу и хлопця на нихъ посадивъ и всѣ рушили до дому. О половинѣ дороги выѣхала на встрѣчу карыта, въ котру Геневефа усѣла съ дитиною. Коли лишь зъ лѣса выѣхали, уже множество людей повыходило имъ на встрѣчу. Тая новина, що честна графиня знайшлася, рознеслася по цѣлѣмъ графствѣ и въ близкѣй околици. Селяне поопускали свои работы, всѣ хатки лишились порожнѣ, никто не оставъ дома, лишь хорѣ и пильнуючи хатокъ. Всѣ, одягнувшия въ святочнѣ

одежи, спѣшили видѣти свою графиню. Чимъ блище Геновефа къ замкови пѣдѣздила, тымъ густѣе народъ стоявъ по дорожѣ. Всѣ витали графиню съ слезами и голосными радѣстными окликами.

Въ той хвили, коли Геновефа лѣсъ опустила и замокъ передъ собою узрѣла, ударено наразъ въ звоны, а люди всѣ прослезилися. Такъ походилися надъ дорогу, хоть никто имъ того не наказавъ, и ожидали доки Геновефа имъ не покажется. Поблизко села еще бѣльше было людей собранныхъ, а не маючи свободного мѣстца на дерева повылазили при дорожѣ, а всѣ ѡкна, ба навѣть и дахи були переповненѣ множествомъ народа; всѣ бо свою любиму, такъ долго заумершу графиню, якъ найблище оглядати хотѣли. Карыту отворили, щобы кождый мѡгъ графиню видѣти. Тогда всѣ очи на ню звернули; и такъ голоснѣ воскликки радости разносилися, що голосъ звонѣвъ заглушено, и ледво троха ихъ було чути. Геновефа, суцая покора, сама сидѣла и спустила очи передъ честію, для неѣ оказаною; сына своего держала на колѣнахъ, котрый мавъ еще на собѣ шкѣру сарны, и державъ крестикъ зъ пещеры въ ручцѣ. По правѣй сторонѣ карыты вѣхавъ графъ, а на лѣвѣй его вѣрнѣй конюшій. Тотѣ два хоробрѣ мужи товаришили, а вѣрна ланя, якъ ласкаве пѣся, бѣгла за ними. Лицарѣ и вѣрнѣ слуги графа однѣ на передъ, другѣ за ними вѣхали. Коли вѣзда помалу вслѣдствіе множества людей отбувалася, тогда не однѣ межи собою говорили: „Ахъ! наша ласкава панѣ, якъ блѣдо, но за тое побожно выглядае; за-

певно такъ и Пречиста Дѣва пѣдъ крестомъ выглядала мизерно!“ Инші зновъ говорили: „Пригляньтеса тому хлопчинѣ! Въ сарнѣй шкѣрцѣ и съ крестикомъ въ ручцѣ такъ само выглядае, якъ маленького св. Іоанна на пуци малюють.“ Где-котрѣ зновъ говорили: „Дивѣтса на ланю, навѣтъ нерозумне звѣратко любить нашу честну и побожну графиню.“ Не одна мати сказали до свого сынка, держачи его на рукахъ и показуючи на графиню: „Вотъ дивися, то тая панѣ, за котрою я всегда плакала, о котрѣй я тобѣ много разъ оповѣдала, що еѣ намъ выдерто тогды, коли тебе еще не було на свѣтѣ.“ Не одинъ отецъ, пѣднесши свого сынка въ гору, сказавъ: „Видишь теперъ еѣ? Дивися добре, она бо тобѣ много доброго здѣлала, коли ты еще бувъ въ колысцѣ.“ Ба и не одинъ старецъ, котрый пѣдпераючися на палицѣ ледво мѣгъ прійти, плакавъ зъ утѣхи, що му ажъ руки и колѣна дрожали и гнулися, словомъ все, що жило, плакало зъ радости.

Коли Геневефа на подвѣрѣ замковѣмъ стала, узрѣла передъ брамою множество панѣвъ, зъ всего поблизкого лицарства. Всѣ прибули привитати Геневефу, и немало утѣшилися зъ еѣ приѣзду. Той день уважали за урочистѣсть женьской честноты и за веселѣсть для всѣхъ присутствующихъ вельможей. Всѣ бо прибули въ дорогихъ одеждахъ, якбы въ найсвѣтлѣйшій день; на самѣмъ же чолѣ стала хорошая дѣвица, бѣло убрана, маючи на шиѣ шнурокъ найкрасшихъ перель, подаючи Геневефѣ вѣнецъ зъ барвѣнку блискучо-зеленого и зъ деликатно-бѣлыхъ

цвѣтѣвъ сплетеный, яко вдячный знакъ еи невинности и вѣрности, и сказала: „Прійми сей вѣнокъ въ имени насъ всѣхъ! А другій найкрасшій вѣнецъ твоеи честноты, Отець небесный тобѣ тамъ въ небѣ прилагодивъ.“

Геновефа не знала, що то за дѣвиця; но другіи сказали ей, що то тая честна дѣвчина, котра еѣ въ вязниця посѣтила, не маючи тогды еще чотырнайцять лѣтъ. „Дорога панѣ!“ сказали всѣ, „тая одна була, котра въ недоли вашѣй умилосердилася надъ вами; она най буде першою вашою подругою.“ Геновефа приглянувшись дѣвчинѣ и перламъ на еѣ шіи, котрѣ добре пѣзнала, заразъ пригадала собѣ за тую нѣчь, котра для неѣ такъ страшною була, и востхнула пѣднесши очи въ гору: „Ахъ Боже! ктобы бувъ тогды сподѣвався, коли мене съ дитиною зъ вязницѣ выпроваджено, що еще верну назадъ? Ты, Боже знавъ уже тогды и приготоувивъ для мене тую радѣсть.“ Беручи вѣнокъ зъ рукъ дѣвицѣ, ѡтповѣла зновъ: „Коли ты невиннѣсть тутъ на земли такъ почитаешь и пестить, щожъ буде доперва въ небѣ?“ На тое ѡдозвався конюшій: „Дорогая панѣ! вправдѣ невиннѣсть не всегда такъ почитаеся, и рѣдко еѣ таке торжество справляють, однакожь часомъ такъ Богъ дѣлае, щобы намъ давъ пѣзнати, яка то буде щастливѣсть въ небѣ.“ Обернувшись до графа, сказавъ: „Пане! я черезъ ѡсмыдесять лѣтъ мого пробутку по свѣтѣ, часто яко побѣдитель до сего замку вѣваджавъ, но еще не видѣтъ я такъ торжественного дня, якъ сей, обхо-

дячій честный приѣздъ нашон панѣ.“ Графъ ѡтповѣвъ ему на тоє: „Богъ намъ давъ тоє торжество, котре єсть для насъ найсвятѣйшимъ, торжество честноты надъ переступленіємъ!“ На що всѣ лицарѣ и панѣ дали ему рукоплесканія. Дѣвицѣ постановили ѡтъ всегда зъ барвѣнку и бѣлыхъ цвѣтѡвъ вѣнцѣ употребляти, яко символъ дѣвочои невинности. Той звычай заховуєся въ многихъ околицяхъ Нѣмеччины ажъ до нынѣ. Межи людьми, выйшовшими Геневѣ на встрѣчу, находилися два сильнѣи мужи, съ довгими палицами, въ хорошихъ плащахъ и капелюхахъ. То були тотѣи два мужи, котрѣи мали стратити Геневѣфу. Першій зъ нихъ Людгертъ упавъ Геневѣфу до нѡгъ, и просивъ о перебаченъе, що єѣ зъ боязни передъ Гольомъ на нужду въ пуци выставили, и що єѣ до родичей до Брабанціи не ѡтпровадили. Потому ѡповѣдали, що зъ боязни передъ Гольомъ не мали безпечного житя, задумали вандрѡвку до святои землѣ; зъ-ѡтки доперва передъ кѡлькома днями повернули, тулячися тайно помежи родичами въ графствѣ; а маючи Геневѣфу уже за умершую, змовилися протое съ собою, щобы все мовчати и графа на ново не смутити; въ кѡнци еще сказали: „Ахъ Боже! якое чудо, що графиня зъ голоду и морозѡвъ не загинула, та ѡтъ дикихъ звѣрей не розшарпана? Мы бо думали, що вы обое уже давно страшнѣйшою смертію полягли, якъ мы вамъ хотѣли завдати.“ Геневѣфа казала имъ встати, а подаючи имъ руку сказала: „Любимѣи мужи! Вамъ по Бозѣ першимъ маю подяковати за дарова-

нѣ житья мого и моеи дитины.“ Обернувшись до хлопця, сказала: „Подякуй и ты симъ мужамъ, дорога дитинко, бо то суть два мужи, котрїи мали розказъ стратити насъ обохъ — но они услухали скорше Бога якъ людей.“ Дальше говорила до мужей, усмѣхаючися съ слезами въ очахъ: „Теперь запевно вамъ не жаль, що даровалисьте намъ життя?“ „Ахъ Боже! мы думали, що черезмѣрно зле здѣлалисьмо, даруючи вамъ житье, но теперь познаемо, що треба було своимъ житьемъ надоложити, а васъ до родичей вашихъ ѳтпровадити.“ Потому оба кинулися графови до нѳгъ и просили помилованя, дякуючи ему за милосердіе, котре графъ оказавъ надъ ихъ жѣнками и дѣтьми. Задивовалибося не мало, коли довѣдалися, якъ красно о тѳмъ Геновефа въ послѣднѳмъ писемѣ своего мужа о тѳмъ просила: *Не мстися также и надъ тѳми, котрїи менѣ голову зѳтнутъ, они ничъ не винни и мимо волѣ наказъ мусятъ исполнити.*“ Графъ истинно, услухавши Геновефы надъ ихъ жѣнками и дѣтьми мавъ ѳтцѣвске попеченіе. Графъ ѳтповѣвъ: „Я не знавъ що вы змилосердилися надъ моею супругою и дитятемъ, що вы житье имъ даровали, но коли змилосердився я надъ жѣнками и дѣтьми вашими, то черезъ мене исполнилося слова Іисуса Христа: *„Щастливїи милосердїи, бо они дудутъ помиловани.*“ Идѣтъ съ Богомъ, а я буду и дальше опѣковатися вами и жѣнками и дѣточками вашими.“ Оба встали а поступаючи за карытою, сказавъ Гидинъ до Людгерта: „Вотъ ажъ теперъ видишь, що правду я тобѣ сказавъ

тогда въ лѣсѣ: *Невинности даровати житиѣ, то очевидне добродѣтельство, котре чи скорше, чи пѣзкѣше намъ принесе добріи овощи.*“

Утѣха, жаль и розлука такъ того дня Геновефу ослабили, що цѣла безсильно упала, почѣмъ занесено еѣ до того самого покою, въ котрѣмъ она черезъ кѣлька лѣтъ не была. Помолившия еще Богу и поговоривши еще съ вдовою и сиротами убитого кухаря, запевнивши ихъ своею печаливостію, ѡдѣйна супочинокъ. Тая вѣрна дѣвчина оставала ѡтъ теперь коло ней неотступно, а Геновефа никому иншому не позволила, лишь ей собѣ услуговати.

Геновефа оглядае зновъ своихъ старенькихъ родичей.

Коли въ Сигфридсбургу все переполнено було найбѣльшою радостію, въ княжескѣмъ дворѣ Бранціи, противно найглубша еще была жалоба. Конюшій графа, офѣрвався тую веселу новину, що Геновефа еще жіе, завезти еѣ родичамъ. Графъ сказавъ: „Любезный, старый пріятелю! Остань тутъ, а тую дорогу ѡтбуде молодшій котрыйсь ѡтъ тебе, бо тебе и такъ дорога зъ вѣины змогла, та много разѣвъ казавъ ты менѣ на дорозѣ, що теперь уже послѣдній разъ бувъ ты на вѣинѣ.“ На тое ѡтповѣвъ конюшій: „Чоловѣкъ такъ думает, а Господь судить иначе; коли Онъ менѣ еще передъ мо-

ею смертію такую пріятну переїздку задержавъ, то я тую не дамъ собѣ ѳтняти. Для того позволь менѣ дорогій пане, най я повѣду.“ Но графъ ѳтповѣвъ : „Припѳмни собѣ пріятелю, на твоѣй вѣкъ, далекую дорогу и на прикру пору року.“ „Все тое ничего не значить,“ ѳтповѣвъ конюшій, „бо ѳтъ коли ласкава панѣ повернула, чуюся о десять лѣтъ бути молодшимъ; и думаю, що ничимъ такъ красно мое житье не закѳнчу якъ сею лицарскою ѳздою, коли еѣ совершу, пѳйду охочо на вѣчный супочинокъ, где положуся и буду спати ажъ до страшного суда.“ Розжаленый графъ тогда сказавъ : „Бѣдь, любый, старый и вѣрный товаришу оружія! Возьми собѣ найкрасшого коня зъ стайнѣ, ѳбери собѣ дванайцять найсмѣлѣйшихъ лицарѳвъ для безпеки. Скажишь тамъ моимъ дорогимъ тестямъ що тобѣ добре твое сердце подиктуе; Богъ най буде твоимъ провѣдникомъ и най тебе зновъ въ мои ѳбнятія приведе.“ Также и Геневѣфа, закликавши его, переказала до своихъ родичей що лишъ ей сердце и покора къ родичамъ высказати могли.

Конюшій черезъ цѣлу нѳчь не ѳпочивавъ. А закймъ зоря новый день возвѣстила, бувъ уже цѣлкомъ узброеный, побудивъ товаришей, помагавъ самъ конѣ попасати и сѣдлати, почѳмъ рушили въ дорогу. Всегда перебѣгавъ ихъ, приговорюючи : „Скорше, братя на передъ, на передъ!“ Такъ дѣялося першой и другой днини, ѳтъ досвѣта ажъ до пѳзної нѳчи. А коли его ѳздцѣ пытали : „Чого такъ поспѣшаєте, пане конюшій?“ ѳтповѣдавъ :

„Представте собѣ смутокъ родичей, котрому теперь положимо конецъ. Бо если якій честный чоловікъ, терпячому хотъ на хвильку получшити его долю потрафитъ, най на ніякій противности не уважае — ба и своихъ костей не жалуе. Якъ часто неразъ квапливо ѣхали мы кровь проляти и слезы вытискати — квапмося и тецерь, раны гоити и слезы отирати. Я бо хотѣвбы, щобы кѣнь теперь мавъ крыла, якъ той, котрого я разъ — забувъ я где — видѣвъ ѳмалѣваного, и котрый менѣ дуже смѣшно выглядавъ.“ На тое зновъ спинавъ коня острогами.

Одинъ честный лицарь, въ котрого замку конюшій съ своими товаришами ночовавъ, оповѣвъ ему, що побожный епископъ, злучившій Геновефу съ Сигфридомъ супружествомъ, посвящае нову церковь, выбудовану о кѣлька годинъ ѣзды ѳтъ дороги. „Спѣшѣмъ и туда, щобы той побожный мужъ такожь учувъ сю веселу новину,“ сказавъ Вольрадъ. „Знаю, що ѳнъ есть добрый и мудрый, для того буду его пытати, якъ маю сю новину возвѣстити дорогимъ князямъ. Бо черезъ дорогу много о тѣмъ я думавъ, однакожь ничего мудрого не надумавъ. Я охотно кричавъ бы зъ далека: Геновефа найшлася, жіе! но такъ плюснути словомъ, мовъ букомъ въ воду не булобы добре. Я старый воинъ и знаю лишь зъ слуху, що спроваджуе переполохъ. Предцѣнь бо дивна то рѣчь, що мене слова: „Графиня жіе“ перепудили, що я дрожавъ и еще до теперь той переполохъ по всѣхъ костяхъ моихъ чую. Николи я бы того не вѣривъ, що радѣсть може такъ кого-

перелякати, но если тое такъ съ иными людьми дѣся, то перепудженье радѣстне моглобы такъ убити родичей, якъ и выстрѣлена кулька трафила въ самое сердце. Но поволеньки рѣчь освѣдчити, слова хорошо выговорювати и бесѣду зручно керовати — на тѣмъ цѣлкомъ я не знаюся, бо подобный намъ умѣе лишь шаблюю владати, а не языкомъ. Той але мужъ дасть намъ раду, бо сердцемъ керовати черезъ слова лишь онъ зъумѣе.“ Вольрадъ всейчасъ поѣхавъ, оповѣвъ цѣлу исторію епископови, почѣмъ и свое желаніе додавъ. Епископъ дуже утѣшився, благодаривъ Бога и сказавъ Вольрадови: „Успокойся старче! Богъ до того всего намъ самъ допоможе, якъ тѣлько до нихъ дѣстанемся. Я власне мавъ выѣздити до сумныхъ родичей, щобы ихъ якъ можъ потѣшити. Для того теперъ ѣдмо разомъ.“ Честный конюшій дуже бувъ утѣшенный, що съ своими пріятелями товаришивъ епископу.

Князь и княгиня той день, въ котрѣмъ довѣдалися о стратѣ Геновефы, що року обходили въ смутку и молитвахъ въ церквѣ. Власне надѣйшовъ той день и теперь; сидѣли они обоє въ покою, и смутились якъ наибѣльше. Черезъ тотѣ лѣта дуже постарѣлися, и волосье передъ часомъ посивѣло. — Обоє були одягненѣ въ жалѣбну одежу, а княгиня отъ того часу всегда таки и ходила въ чорнѣмъ убраню. Въ замку княжескѣмъ така була тишина, якбы все вымерло; ба навѣтъ обоє, якъ лишь могли не заходили въ ніякѣ товариства. Наступила хвиля службы божою, а они обоє ожидали лишь при-

ѣзду епископа, котрого рѣкъ рѣчно запрашали, щобы на тѣмъ олтары, передъ котрымъ Геновефу съ любимцемъ-графомъ злучивъ, рѣчницю еи смерти обходити. Князь мовчавъ, погруженный въ болѣзни и думавъ: „Предцѣнь то страшно, що така ганьба упала на нашъ княжескій дѣмъ. Однакожь: Отче, да будетъ воля Твоя!“ Княгиня востхнула: „Ахъ одну малисьмо такую милу дитину, а затратити еѣ рукою ката, то щось незвычайного. О Геновефо! мы думали, що ты при смертельнѣмъ лѣжку нашѣмъ якъ ангель будешъ стояти, очи намъ легонько замкнешъ, а теперъ сталося инакше! Однакожь Твоя Отче да будетъ воля!“

Заледви тое вымовила, вѣйшовъ побожный епископъ. Тварь яснѣла небесною утѣхою. „Покиньте уже жалѣти, возвеселѣтся въ Бозѣ,“ сказавъ и почавъ съ великою повагою и глубокою ученостію розговорювати ихъ, представлявъ имъ смутокъ Якова патріарха, котрому сына Іосифа бтнято, и порѣвнавъ съ ихъ смуткомъ, а потѣмъ и потѣху Якова, коли бтшукавъ свого сына Іосифа. Бесѣда епископа и его лагѣднѣи выразы, благополучно подѣйствовали на сердца всѣхъ присутствующихъ. „Окобы и мы такой радости дѣзнали, тое булобы для насъ добродѣтельствомъ найбѣльшимъ,“ сказала княгиня зложивши руки. А князь бдозався: „Тутъ на земли уже николи, но запевно въ небѣ.“ „О еще въ туземнѣмъ житію,“ додавъ епископъ. „Отецъ небесный завдае раны, но и гоить ихъ. Втручае въ грѣбъ и зновъ зъ него добувае. Богъ Якова и Іосифа умилосердився и взмѣцнивъ

серце ваше, що не пукло бѣ жалю по стратѣ дочки, майже и теперъ его взмѣцняе, щобы не улягло бѣ радости, а вмѣсто пѣсней жалѣбныхъ, котрѣ малисьмо нынѣ въ церквѣ бѣтправляти заспѣваймо разомъ: „Тебе Бога хвалимъ,“ понеже Геновефа жѣе и вы будете еѣ видѣти!“ Родичи споглядали на него съ изумленіемъ. Дрощъ ихъ перенявъ при словахъ побожного епископа, боязнь и надѣя боролися въ ихъ серцяхъ, а словамъ епископа не хотѣли вѣрити.

Потому бѣтворивъ епископъ двери, и Вольрада, котрый съ слугами въ передпокою стоявъ, показавъ имъ мовячи: „Сей мужъ оповѣсть вамъ все докладно.“ Вольрадъ вѣйшовъ и розповѣвъ: „Она жѣе! Своими очима я еѣ видѣвъ, ушами моими чувъ еи бесѣду, а сею моею рукою дотыкався я еи руки.“ Слова: „Геновефа жѣе,“ всейчасъ рознеслися по цѣлѣмъ замку. Всѣ слуги и служницѣ попрѣбѣгали зѣ утѣхи до покою, где Вольрадъ стоявъ и оповѣдавъ имъ тую чудесну исторію, а слезы тряслися на его сивыхъ повѣкахъ, и неразъ жалъ перерывавъ его бесѣду. Всѣ дрожачи и плачучи стояли на около него, князь и княгиня поблѣдли зѣ радостного страху, и майже самѣ не знали, що съ ними дѣся. Въ кѣнци, коли таки мусѣли повѣрити словамъ Вольрада, котрѣ и его товариши потвердили, а коли еще и Вольрадъ повторивъ имъ слова бѣт графа и Геновефы переказанѣ, здавалося имъ, якобы зѣ сну пробудилися, майже на ново бѣтжили и сказали: „О коли она жѣе, то поѣдемо еѣ увидѣти, а потому можемо охочо умерти.“ Подяковавши Богу въ свя-

тыни, поѣхали, а побожный епископъ и честный Вольрадъ съ своими людьми и множествомъ слугъ ѡтпровождали ихъ. — Тымчасомъ Геновефа жила въ якъ наилучшихъ выгодахъ и черезъ той часъ показався уже на ея лицу румянецъ, и прійшла по трохи до себе. Однимъ ея желаніемъ, якое еще мала, було тутъ на земли оглядати еще милыхъ родичей. Далеко скорше, якъ она надѣялася, станули всѣ въ замку, витали Геновефу горячими слезами. Честный отецъ, якъ колись Симеонъ Богопріимецъ, стискаючи еѣ сказавъ: „*Нынѣ отпушаеши раба Твоего Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ, якоже выдѣста очи мои спасеніе Твое.*“ А побожна мати сказала, стискаючи еѣ: „Теперь охотно умру, коли ты еще жиєшь, и твоя невинность подтвердилася.“ Обоє родичи плакали неустанно, стискаючи довго Геновефу за шію. — Увидѣвши порошого хлопчика, обоє закликали: „Ты есь нашимъ внукомъ, о ходи, ходи въ нашій обънятія, най тебе моя дитинко Богъ благословить!“ сказавъ дѣдуньо, взявши его на руки. „Богъ най тебе любя дитинко благословить,“ повторила бабка, беручи хлопця на свои руки, обливаючи его слезами. Обоє въ одинъ голосъ говорили: „О чудный есть Господь въ дѣлахъ своихъ. Мы тебе возлюблена дочко за умершу оплаковали, не сподѣваючися твою тварь на земли бѣльше оглядати. А за тое Отецъ небесный давъ намъ видѣти еще бѣльше, бо и твоего возлюбленного сына!“

Теперь приближився побожный епископъ, которого Геновефа съ Сягфридомъ переповненіи радо-

стію еще не були спостерегли. Ненадійно узрѣвши его, здавалося Геновефѣ, якбы видѣла пѣсланця небесного ѡтъ Бога. Сей апостольскій мужъ поглянувши на Геновефу и Сигфрида, потѣмъ на князя и княгиню, благословивъ ихъ мовячи: „Все исполнилося теперъ, що моя душа впередъ еще предчувала, и що Отець небесный черезъ своего Духа св. давъ менѣ бувъ пѣзнати. Онъ бо, моя доне тобѣ, и всѣмъ тутъ присутствующимъ приготувавъ бѣльше щастье якъ туземне, до которого тяжко добитися, а вы черезъ смутокъ и терпѣнія его осягнули, бо черезъ тѣя найбѣльше щастье осягнути можна. Однакожь Той выпровадивъ то инакше, якъ собѣ думалисьмо. Теперъ мы стали зновъ въ тѣмъ самѣмъ числѣ, що и при вѣнчанію вашѣмъ, лишъ одинъ вашъ сынъ тоє число побѣльшає. Дякуймо Богу за Его добродѣтельство съ слезами въ очахъ, а благословенный чоловѣкъ, вытерпѣвшій до кѣнця, бо коли въ кѣнці пересвѣдчится, возьме корону живота, котру Богъ тымъ обѣцявъ, котрѣ Его люблять. Така корона и вамъ теперъ прилагоджена.“

Терпѣнія Геновефы стаються благословеніємъ для цѣлого краю.

Вѣсть, що Геновефа далеко здоровша, и що по своихъ терпѣніяхъ силъ набрала, рознеслася по краю; каждой днини приходили люди видѣти еѣ. Вольрадъ

заклявся Геневефъ на честь лицарства, що нико-го, навѣть и найгбршого не бгправить, щобы еъ не видѣвъ. Тогды приходило множество всякихъ людей, зъ котрыхъ по кблька наразъ до покою впускали. Людв однакожь такъ були тихй и скромнй, що ледви бтдыхали, и всъ таки коло дверей ставали. Мужи съ шапками пбдъ пахами такъ стояли, якбы въ церквѣ, ба навѣть малй дѣти на рукахъ матер-ныхъ свои рученята съ побожностю пбдносили. — Геневефа часто лежала на своимъ лбжку, або бѣло убрана сидѣла на выстеленбмъ крѣслѣ, а ей блѣда и прйтна тварь бтповѣдала побожности, лагбдности, святости и людскости; и такъ людемъ здавалося, якбы она цѣла була зорями окружена. Она съ кождымъ входячимъ кблька слбвъ розмовляла, котрй черезъ цѣле житье остали имъ въ памяти. „Честнй и возлю-бленнй люди,“ говорила лагбднымъ голосомъ, „тѣ-шитъ мене не мало, що мене посѣщаете, и дякую вамъ за любовь вашу, съ котрою подѣляете мои терпѣня и радости. Представляю собѣ, що запевно-маете и вы досить терпѣнй, а знаю певно, що не одно зъ васъ дуже журится. Любѣть для того Го-спода Бога, уповайте на Него, и не печальтєся николи. Онъ, любящихъ его, выратує съ всякого припадку, тамъ, где уже все видится бути страченимъ, Онъ одинъ може и силенъ помогчи. Где найббльша потреба, тамъ найблиша помбчь Его зъ неба. Онъ все зло перемѣняє въ добро. Чижь тое не правда? Чижь не видко того всего зъ моеи исторйи? Задо-вольняйтєся тымъ, що посѣдаєте, и переставайте на-

маломъ. И при маломъ можна жити щастливо, бо того я на пущи досвѣдчила. Хоть бысьте були найбѣднѣйшими, то однако такой маете бльше, якъ я мала въ пущи. Предцѣнь бо маете хаты, одежи и постель, а въ зимѣ маете тепленькѣ хатки и теплу страву, и тымъ подобнѣй рѣчи. Такъ уже бльше чоловѣкъ не потребуе. Не привязуйте сердцеъ вашихъ до дочастныхъ рѣчей. Не спускайтеся на мертвѣ гроши, но на живого Бога, котрый може въ одной годинѣ зъ найбогатшого найбѣднѣйшого, а зъ найбѣднѣйшого найбогатшимъ сдѣлати; вотъ видите тое и на мнѣ исполнилося.“

„Сильно держѣтсе Бога и заповѣдей Его, молѣтсе съ охотою, а не якъ бтъ напасти, и майте во всемъ чистую совѣсть. Кто съ Богомъ, и мае Его въ сердце, той мае и готове спасеніе вѣчное. Молитва покрѣпляет чоловѣка до совершенія добрыхъ дѣлъ и до вытревалости въ терпѣнїяхъ; она проникае облаки и николи не есть безъ выслуханя въ спасительныхъ рѣчахъ. Добре сумлѣнье во всякихъ припадкахъ, въ вязници, въ слабости и при смерти улекшаютъ болѣзни, а доконаетсе того, якъ и я доконалася. Коли васъ совѣсть грызе о якій злый учинокъ, прибѣгайте до Исуса Христа, возлюбленого сына божого. Его жертвовавъ Отець для бткупленія грѣшного свѣта, котрый черезъ грѣхи нашѣ пролявъ кровь свою невинную, щобы насъ спасти. Бо если говоримо, що не маемо нїякого грѣха, то самѣ себе ошукуюмо, ба и тогды коли самѣ свои грѣхи изъявляемо. Онъ есть справедливый и вѣрный,

ѳтнускае намъ грѣхи нашѣ и очищае насъ ѳтъ
 всякой скверны. Слушайте св. евангелія и словъ
 священническихъ, то лучше еще о всѣмъ пересвѣд-
 читесь, якбы я вамъ тое могла объяснить. Такъ
 бо прїѣшли и до насъ першїи проповѣдники, дер-
 жачи въ одной рудѣ св. Евангеліе, а въ другой
 крестъ Христовъ. Еще повторяю: слушайте св. еван-
 гелія и духовныхъ вашихъ; заховуйте ихъ науки
 въ сердцахъ и исполняйте ихъ, суть бо то слова
 божїи и мають въ собѣ силу ущастливити каждого
 вѣрующаго въ нихъ. Не забуйте также и на
 тое, що въ крестѣ спасеніе! Черезъ крестъ, терпѣ-
 ніе и смерть вѣшовъ Іисусъ Христосъ въ славу
 Отца небеснаго. Черезъ крестъ, терпѣніе и смерть,
 поїдемо и мы до живота вѣчнаго; правда, що тою
 дорогою намъ поступати треба?" Тое запытав-
 ши подавала руку каждому, а всѣ цѣлующи еѣ
 руку, мусѣли ей прїречи, що такъ заховатися бу-
 дуть. Тая бо дорога узка и прикра, треба до неї
 небеснаго посланку изъ стола Господняго, щобы на
 ней душа не змоглася, -- для того приходѣтъ до
 того стола. Супругѣвъ и родичей зъ особна еще
 напоминала; мужей заохочовала до едности и лю-
 бови, и перестерегала ихъ ѳтъ заздности. „Николи
 не вѣрте фалшивымъ языкамъ, котрї стараются
 вашу любовь выкоренити.“ Сказала она тое, понеже
 сама досвѣдчила, якое нещастье фалшивїи языки и
 въ найдобрїѣйшомъ супружествѣ наносятъ. Ро-
 дичей напоминала, щобы свои дѣти побожно въ вѣрѣ
 святѣй выхововали. Часто показовала матерямъ коло

ней стоячимъ, держачимъ дѣти на рукахъ: „Вотъ на чолѣ у дитины не написамо, що ей въ житю приключитя. Теперь мило усмѣхаеся на свѣтъ, но прійде часъ, коли буде смутитися, ба навѣтъ и плакати, якъ всѣ люди, котрѣ до теперъ на свѣтъ прійшли. Для того выховуйте ихъ побожно, щобы сталися непоборимою скалою, противъ всякихъ терпѣній на свѣтъ. Коли моя мати мене бавила, запевно не прійшло ей на гадеку, якѣ великѣ терпѣнія мене постигнуть, но колибы була зъ маленьку не вщепила въ мене любви къ Богу и въ Него надѣѣ, запевно булабы я улягла смерти передъ терпѣніями на пустыни, а можебы я була житье собѣ отобрала, та пересталабы я була жити? Для того вщепляйте завчасу вѣру св. въ дѣточкахъ вашихъ.“ Бенусь, котрый уже понимавъ науку религійну отъ духовного священника, на памятку кождой дитинѣ щось подаровавъ, бо безъ подарунку никого не выпустивъ зъ дѣтей. Тая доброта, прихильность и напомниманія графинѣ сокрушали людскѣ сердца, такъ що найтвердшій мужи дуже часто якъ малѣ дѣти плакали. Геневефы побожнѣсть, терпеливѣсть и добрѣ примѣры були благословіемъ для цѣлого краю. Люди бо зъ цѣлой-околицѣ сталися побожнѣйшими и очевидно поправилися; а въ не одной хатцѣ, въ котрой впередъ бувъ несупокѣй, теперь сталася згода и любовь и супокѣй и удовольствіе. Побожный епископъ часто говоривъ: „Если Богъ черезъ чоловіка благодать хоче зослати на край, то

перше на такого зсылае долегливѣсть, а потѣмъ того чоловѣка, якъ и цѣлый край прославляе!“

Яка судьба спѣткала Голя?

Люди, котрѣ зъ покою графинѣ сходили на долину, желали еще видѣти Голя. Судъ криминальный засудивъ его, яко пѣдозрѣлого слугу, невѣрного и страшного мордерцю на смерть. Онъ мавъ бути розбраний чотырма волами на чотыри кавалки. Но черезъ усиленнѣ молитвы Геневефы даровавъ графъ ему кару смерти, однакожь бѣтѣ доживотного криминалу его увѣльнити не було въ силѣ графа. Надзиратель вязницѣ, котрый людямъ Голя мусѣвъ показовати майже цѣлый день не мавъ супокою. Однакожь робивъ тое съ охотою и говоривъ: „Приходѣтъ честнѣ люди, тамъ бо на горѣ видѣли вы образъ невинности и честноты, а тутъ на долину въ вязницю можете оглядати образъ нечистоты и грѣха.“

Онъ ишовъ узкими сѣдками камѣнными на долину глубоко пѣдъ землю напередъ съ свѣчкою, позвонюючи ключами. Коли бѣтвиравъ тяжкѣй желѣзнѣй двери, страхъ перенявъ всѣхъ людей! А коли освѣтивъ свѣтломъ вязницю, а они подивилися на Голя, перепудилися его еще дуще. Страшна бо була его постава. Волосье розчухране и наѣжене закрывало его дике чоло и бороду довгу. Тварь его була якъ стѣна блѣда, а блудными своими очима кидавъ на всѣ стороны. Его сумлѣнне такъ его непокоило,

що часто впадавъ въ съумасшествіе, выдаючи страшный крикъ, ланцухами звонячи и головою бючи о стѣну. Коли трохи прійшовъ до себе, всякій бесѣды походячій зъ его усть, проникали на скрѣзь слушающихъ. Часто кричавъ: „О якій я бувъ шаленый! О бѣда тому, кто ътречеса Бога, и свое сердце до злыхъ похотей наворачтае, и голосу своего сумлѣня не слушает! Онъ бо зъ початку ужіе трохи дикихъ роскошей, наконецъ жде его нужда и недоля. Впередъ ходитъ по цвѣтахъ, а потѣмъ нагле впадае въ пропасть, котру передъ его очима укрывали цвѣты. Горе тому, кто шукае-заказаныхъ роскошей; думаетъ бо, що приближаеся до цвѣтущего корча, вытягаетъ руку по цвѣты, ажъ нагло выльзаетъ зъ корча гадина и ѣдью своею напаяетъ его, обвиваетъ коло него сѣмъ разъ, грызетъ, душитъ и роздираетъ безустанно своимъ кусаньемъ.“ Часто пытался: „Люде чи правда то, що графиню съ дитиною найдено? Чи то правда, чи менѣ тѣлько такъ снилося? Банишь! Не снилося менѣ, то таки правда! Я вѣрю тое“ — и зачавъ голосомъ жалобнымъ дальше говорить: „Богъ сильно ѡтмститъся на минѣ. Онъ выбавивъ еѣ зъ сей вязницѣ, а мене въ туюжь втрутивъ. Тутъ она сидѣла,“ говоритъ біючи головою о стѣну, „въ сей вязницѣ, где я теперъ сиджу; вѣруйте-жь теперъ, що Богъ есть справедливый!“ Часомъ говоритъ: „Богу дяковати, предцѣ уже разъ по мене приходите, щобысьте мене выпровадили на мѣстце смерти. Я пѣйду съ охотою.“ Встаючи сказавъ: „Я невинную матеръ съ дитиною замордовавъ,

для того и менѣ належится голову утяти. Кровь невинну я пролявъ, руки мои еще кровію поваляні, вотъ цѣлкомъ закрашені кровію. Потѣкъ слезъ зъ моихъ очей выплывувшій, не може ихъ обмыти. Для того и я свою кровь мушу проляти. Охотно пристаю на тое, бо лучше пбдѣ мечемъ ката згинути, якѣ тутъ, тутъ (показуючи на груди) еще довго такѣ страшный ббль терпѣти!“ Часомъ, коли нові люди прійшли, спозиривъ на нихъ, почбмъ засмѣявся и сказавъ: „Предцѣнь васъ также сюда привели. Чи и вы дали ошукатися злбй похоти? И вы звели невиннбсть? Якже? покажѣтъ менѣ свои руки, чи слезы нещастливои якои матери, або кровь невиннои якои дитинки не знаходится на нихъ? Не подавайте менѣ ихъ, не показуйте передъ мои очи; о знаю, що ваші руки такѣ якѣ и мои переполнені кровію. Вы переступники такі якѣ и я? Ходѣтъ къ мині, тутъ вашъ пробутокъ будущій. Всѣ переступники тутъ належать, где я.“ — На тое перестрашені дѣти зачали голосно плакати и свои личка матерными сукнями закрывати. Всѣ парубки и дѣвчата повзяли собѣ за святую рѣчь свои сердца бтъ такихъ грѣхбвъ хоронити, котрі въ кбнци въ таку нужду втручають. Не одинъ мужъ и не одна жѣнка сказали голосно: „Лучше на пушч ѣсти рослины и корѣнцѣ, а бути невиннымъ, якѣ Геновефа — якѣ Гольо въ графскбмъ замку пльвати въ добрѣ, а недобре мати сумлѣнье и такого кбнца дождатися.“ „Добре маєте! (бдовався дозорець вязницѣ, замыкаючи желѣзні двери). Бо хоть то не всегда, однако

такъ гѣрко кѣнчится тутъ на земли нечестне житье, то однакожь въ будущѣмъ вѣку еще далеко гѣрше скѣнчится.“ Такъ розпачливо переживъ Гольо много лѣтъ, но чи мавъ супокѣй истинный хотъ передъ смертію, не знати. Говорять бо, що всегда бувъ неспокѣйный доки не дѣставъ вѣсть, що передъ справедливымъ судомъ божимъ, пѣсля справедливости буде страчений.

К о н е ц ъ.

Дѣти, звичайно якъ дѣти, видѣвши уже Геновефу, Бенуся и Голя, за кождый разъ желали видѣти и ланю. Графъ казавъ для неи выставити особну и пріятну стаенку. Ланя вѣльно по подвѣрью замковѣмъ бѣгала, кѣлька развѣ на день выходила сходами на гору, ажъ до Геновефы покою, и не можъ еѣ було одогнати, доки еѣ тамъ на хвильку не впущено. Дуже була смѣла до всѣхъ, вѣла кождому зъ рукъ, навѣтъ стрѣлецкѣй псы николи еѣ не чѣпали въ замку. Дѣти мали зъ звѣратка велику потѣху; давали ему хлѣба, а навѣтъ говорили: „Боже нашъ, безъ сего звѣратка наша дорогая графиня и нашъ любый графчикъ въ пуци булибы погинули!“ „Для того не треба ніякому звѣраткови прикрости чинити,“ бѣговалася дѣвиця, котра мала пильновати тое звѣратко. Якъ бы мы не мали волѣвъ до плуга и коровъ до покрѣпленія молокомъ то зле поводилобыся намъ, такъ само булобы любый графинѣ безъ ланѣ

на пущи. Цѣлый бо свѣтъ безъ звѣрять бувбы истинною пущею для насъ! Мало видѣлибы мы добре справленыхъ грунтовъ, а найкраснѣйшій поля до ничего булибы не потрібнѣи. Для того великимъ есть грѣхомъ мучити звѣрята, за котрѣи повиннѣи мы Богу дяковати.“ — Якъ довго еще Геновефа потому жила, не вѣдомо докладно. — На тое свѣдомо: що доки жила, жила въ радости и много еще доброго свѣдчила, почѣмъ супокѣйный и благѣи бувъ ей конецъ. Еи житѣе рѣвнолося прекрасному тихому вечеру весняному по сильной бурѣ, котра перейшла щастливо, а еи смерть була подобною до погѣдного захода сонця, котрое свѣтитъ и розсылае благодатнѣи лучи, доки и послѣднѣи лучъ не згасне; скрывается оно передъ нашими очима, чтобы на другѣмъ свѣтѣ намъ еще яснѣйше възйшло.

Геновефа уважаючи, що часъ смерти еи уже надходить, прикликала до себе Бенонія, а отвѣдно словамъ Товіа, сказала: „*Вся дни, чадо, Господа Бога нашего помни, и да не восхоцещи согрѣшати и преступати заповѣди его. Правду твори вся дни живота твоего, и да не ходиши путемъ неправды. За не творящу ти истинну, благопослѣшества будутъ въ дѣлахъ твоихъ и всѣмъ творящимъ правду. Отъ имѣній твоихъ твори милостыню, и да не зазритъ твое око, вегда творити тебѣ милостыню; да не отверацаеша лица твоего отъ всякаго нищаго, и отъ тебе не отвератися лице божіе. Якоже тебѣ будетъ по множеству, твори отъ нихъ милостыню, аще мало тебѣ будетъ, но малому да не боишися творити ми-*

лостыню. Залогъ бо добръ сокровиществуеши тебѣ на день нужды. За не милостыня отъ смерти избавляетъ, и не оставляетъ ити въ тьму. Даръ бо добръ есть милостыня есмъ творящимъ ю предъ Вишнымъ.“

(Письмо св. старого зав. часть 3. книга Товита, глава 4. бтъ стиха 5 до 12.) Положивши лѣву руку на него, а правую крестящи его сказала: „Благословеніе Бога Отца, Сына и святого Духа най збйде на тебе и всегда най буде съ тобою.“ Беноній шльохаючи и благословляючи руку цѣлюючи заледви мѡгъ вымовити: „Аминь“. Якъ важнй були тїи послѣднй напомниманія, свѣдчило его дальше житье блага и милосердіе. Найбѡльшимъ було добродѣтельствомъ для краю, що его пѡдданй зазнали добрыхъ и сумлѣвныхъ урядникѡвъ, понеже той, що въ молодости самъ нужду перетерпѣвъ, старався осолодити пѡдданымъ всякую недолю.

Множество людей зѡбралося на еи похоронѣ, а всѣ плакали сердечно надъ еи гробомъ, однакожь никто такъ горячо не плававъ якъ Сигфридъ и Беноній. Вѣрна ланя лягла на еи гробъ и не ѡтходила бѡльше бтъ него. Зъ поживленія, котре клали передъ ню, ничого не ѡла, ажъ одного дня досвѣта найдено еѣ неживу на гробѣ Геновефы. Графъ казавъ Геновефѣ взнести высокій памятникъ зъ бѣлого мрамору, на котрѡмъ при самѡмъ сподѣ и ланя була вырыта.

На пуци графъ казавъ выставити пустынну капліцю, бо такъ Геновефа просила. По правѡй сторонѣ пещеры, котру епископъ Гидольфъ посвя-

щавъ, нарѣдъ называвъ еѣ церковцею панѣ. Исторія Геновефы була хорошо по стѣнахъ ѳтмалѣвана, а крестикъ деревяный, до которого тѣлько вспоминокъ дорогихъ вязалося, въ золото оправлено (однакожь ажъ по смерти Бенонія) и поставлено на олтари. По лѣвѣй сторонѣ печеры стала хатчина пустельнича, при ней хорошій огородецъ, черезъ котрый шепотѣвъ поточокъ. Дуже много людей туда приходили, а пустельникъ показывавъ имъ все: крестикъ, образы, печеру, камѣнь, на котрѣмъ клячала Геновефа, потѣкъ зъ которого воду пила; рассказывавъ еѣ исторію и наминавъ молодыхъ и старыхъ, щобы еи хорошимъ примѣромъ поступали.

Нарѣдъ почитавъ Геновефу яко святу, а покыхъ сто лѣтъ не одинъ еще старецъ говоривъ: „Якъ я бувъ еще дитинкою, то тямлю, що я видѣвъ Геновефу.“ а внукамъ своимъ оповѣдавъ, що зъ еи власныхъ устъ чувъ и собѣ запамятавъ.

Замокъ Сигфридсбургъ, въ котрѣмъ Сигфридъ и Геновефа жили, пѣзняйше збурено, а теперь пѣдъ именемъ „Старый Симернъ“ не далеко мѣста Кобленца*) лишь розвалины зъ него можна видѣти; однакожь честь и любовь въ сердцахъ для Геновефы не выгасли.

*) Кобленцъ, мѣсто надъ рѣкою Мозелею, на границі Пруссіи.

Много хорошихъ церквей на ея памятку посвящено, а не одна невѣста и дѣвица еще до нынѣ для ея побожной честноты, носить имя Геновефы.*)

-
- *) Ииша св. Геновефа въ третѣмъ столѣтїю, припадающа 3. л. сѣчня въ святахъ римскихъ, вславилася въ Парижѣ (въ Франціи) чудами и пророчествами.

Конецъ исторїи.

ВЪ ПЕЧАТНИ МИХАИЛА БЪЛОУСА въ КОЛОМЫѢ

получити можна слѣдующіи книжечки и друисорты :

Русская Пекарня	80	кр.
Народна рус. философія	40	"
Читальня вын. V.	40	"
Читальня IV: Народный рус.		
Катехисъ	30	"
Читальня VI: Катех. пчелов.	25	"
Ворожка 2-е издан.	25	"
Начеркъ пчелництва	25	"
Луць Заливайко	15	"
Наука о шелковництвѣ	15	"
Historya państwa austriackiego	15	"
Байки-Небылицъ	12	"
Читанка для русскихъ людей про паньску		
каву и про хлопску каву	12	"
Руска Бувальщина	12	"
Звѣмченый Юрко	10	"
Не отпустъ по роспустъ	10	"
Село Липовицъ	10	"
Korabiowie, przez N. Jaskulke	10	"
Святая Недѣлячка	6	"
Иванчукъ Моторный	4	"
Дѣдъ	4	"
Сава русскій мудрецъ	3	"
Рицарь и смерть	3	"
Чудо якихъ мало	3	"

Слово о. Ст. Ленкавского	15	кр.
О чудотворной Иконѣ М. Божой Чуд.	10	»
Молитвенникъ для дѣтей	10	»
Молитвенникъ для молодежи	25	»
Страсти Господа нашего Иисуса Христа	10	»
Помянникъ усопшихъ душъ	10	»
Коляды	8	»
Koledy na Boże Narodzenie	5	»
Ministrantura, czyli sposób służenia do mszy świętej	4	»

а) для Всепочт. священства :

Метрика рождения	лѣбра	50	»
»	вѣнчанныхъ	»	50	»
»	усопшихъ	»	50	»
Протоколь предслюбный	»	60	»
»	заповѣдей	»	40	»
»	дѣйстви́й	»	40	»
Списъ парафіянъ	»	40	»
Свидѣтельство ирещенія	»	30	»
»	вѣнчанія	»	30	»
Свидѣтельст. смерти	»	30	»
»	убожества	»	30	»
»	для пѣвцевъ перк. 1 экс.		15	»
Вытягъ изъ метрикъ (до рекламациі лѣб).			30	»
Traungsbuch-Extract	»	30	»
Sterb-Register-Extract	»	30	»

б) для урядовъ громадскихъ :

Книга доставча	лѣбра	40	вр.
Протоколь дѣйстви́й	»	40	»

Протоколъ осм. помер. лѣбра	40 „
„ шупас. (поль.) „	40 „
Позволеніе на будову „	30 „
Завозванія	30 „
Журналъ почтовый лѣбра	40 кр.
„ податковный „	40 „
Контрактъ купна	50 „
Карта осмотр. померш. „	30 „
Wykaz cen targowych „	40 „

Суть тоже и все друксорты до выборовъ по 40 кр. за лѣбру

в) для школъ народныхъ :

Выказъ учениковъ мѣсяч. лѣбра	40 кр.
„ „ тыжд. „	40 „
Завѣдомленіе шебльное „	40 „
(въ польскбмъ и русскбмъ языцѣ)	
Wykaz klasyfikacyjny „	50 „

г) для касъ позычковыхъ :

Книга должникбвъ лѣбра	60 кр.
Реверсъ „	30 „
Дневникъ касовый „	40 „
Книжечка касова 1 экс.	1½ „
Статуты касы позычк. 1 экс.	3 „

Жалобы въ справахъ дробныхъ :

а) для одинокихъ лицъ лѣбра	30 „
для касъ позычк., зачисл. и церк.	30 „

д) для шпихлѣровъ громадскихъ :

Дневникъ	лѣбра.	.	.	.	40	кр.
Книжечка	1 экс.	.	.	.	1	„

Принимаетъ тоже до печатаня сочиненія большого объема, брошюры и выконуетъ съ всякою точностию хорошо и по дешевымъ цѣнамъ.

MB,
no

